

Павел Зайцев

УВИДЕТЬ МОРЕ

© гештальт-роман

Павел Сергеевич Зайцев

Увидеть море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068546

ISBN 9785447428969

Аннотация

...«Больше денег», – беспокойно шипел пластиковый чайник. «Больше денег», – шелестели за окном пальмы, царапая противомоскитную сетку. Ночью из-под деревянного порога нашего апартаментов вылезла гигантская черная жаба-бык, которую я однажды, чуть не поднял на руки, приняв сослепу в темноте за хромую кошку. Застыв в свете луны, как индейский тотем, она повернула свою маленькую уродливую голову в сторону нашего окна. «Больше денег», – прочитал я в её безумных глазах...

Содержание

Эпизод 1: Жизнь после смерти	7
Эпизод 2: Русский стиль	12
Эпизод 3: Страх и ненависть в Тырнаузе	22
Эпизод 4: Любовь и электричество	30
Эпизод 5: Юрчик	39
Эпизод 6: Обособление обстоятельств	47
Эпизод 7: «В Ленинград на машине!»	61
Эпизод 8: Эскадрон гусар летучих	74
Эпизод 9: «Ай дон'т спик рашн!»	83
Эпизод 10: «Подлый Онищенко»	97
Эпизод 11: «Ой, то не вечер, то не вечер»	117
Эпизод 12: Lost in Krasnoyarsk или Бизнес по-русски	125
Эпизод 13: «Ах, эта свадьба...» или Евровидение по-армянски	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Увидеть море

гештальт-роман

Павел Сергеевич Зайцев

*«...но когда-нибудь закончится игра,
Придет последний час, ты проиграешь в споре.
И, как в кино, тебе захочется тогда
Купить текилы и увидеть море...»*

© Павел Сергеевич Зайцев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Нас семьдесят два. Мы все разные. Разный возраст, профессии, привычки и характеры. Объединяет одно – все трупы. Нет-нет, никакой мистики. Пока мы ещё живы, но уже знаем, что это ненадолго

Ещё полчаса назад мы были разношерстной и пёстрой толпой: румяные от водки нефтяники с громким смехом и пошлыми шутками, чопорнолицые консультанты с неизменными айпэдами, раздраженные молодые мамочки с капризными детьми.

Сейчас в салоне пассажирского лайнера, совершающего перелёт Нижневартовск-Москва, сидят семьдесят два похожих друг на друга манекена. Осторожно поворачиваюсь

и смотрю на пассажиров сзади меня. Одна и та же картина. Бледные лица. Плотнo сжатые губы. Кто-то закрыл глаза, кто-то уставился себе под ноги, шевеля губами в беззвучной молитве.

Я думаю о том, как это будет. Из прочитанного об авиакатастрофах знаю, что при ударе о землю все кости в теле от давления моментально крошатся в порошок. Запомнился комментарий спасателя о том, что тела, найденные на месте крушения, очень сложно переносить. Как бурдюк с водой без ручек

Услужливое воображение тут же рисует картину – два МЧС-ника рывками пытаются забросить мой бесформенный обгоревший труп в грузовик, и меня охватывает паника. Дикий животный ужас. Если не взять себя в руки, то я закричу. Этого нельзя допустить. Видимо, это понимает каждый, поэтому тишина в салоне гробовая. Это только в голливудских фильмах в падающем самолёте все кричат и носятся по салону. В реальности, как оказалось, всё происходит совсем не так.

Мне тоже надо отвлечься. «Это будет не больно. Я ничего не почувствую. Секунда – и всё будет кончено». После этой мысли я успокаиваюсь. Становится не страшно. Только пальцы выбивают нервную дробь, и в голове стучат какие-то африканские ритмы.

В голову приходит мысль написать прощальную смс-ку родным и близким. Сейчас как-то отчетливо понимаю, что

кроме родителей и, может быть, брата моя смерть ни для кого не станет трагедией. Что же написать? «Прощайте, мама, папа и Дима! Через несколько минут меня размажет по земле. Я вас любил»? Как-то глупо и пошло. И страшно.

Нет. Ничего писать не хочется. Теперь ясен смысл фразы «люди живут вместе, а умирают по одному». Завтра все мои друзья и близкие проснутся и вновь увидят рассвет. А я нет. И это обстоятельство уже разделило нас невидимой стеной.

В тридцать лет все-таки умирать не так обидно, как в восемнадцать. Все в жизни уже испытано. Я любил и мечтал. Успел разочароваться и в том, и в другом. Видел свет. Был женат, но не нажил ни семьи, ни детей.

Я – бесполезный путешественник во времени и пространстве, и в каком-то смысле такой конец логичен.

Последнее время часто повторял, что ничего не жду уже от будущего. Говорят, что мысли и слова способны материализоваться. Что ж, судя по тому, что сейчас со мной происходит, так оно и есть.

Почему же всё так сложилось? Где и когда я свернул не туда?

Откидываюсь на спинку кресла, и сцены из моей жизни мелькают перед глазами, как кадры цветного кино. Детский сад, школа, университет, переезд в Америку...

Так много было всего. Грустного и смешного...

Но... давайте, наверное, по порядку.

Эпизод 1: Жизнь после смерти

Я очень удачливый человек.

Ни разу в жизни не выиграл в лотерею. Когда что-то зависит от везения, заранее ожидаю полного провала и никогда не ошибаюсь. И все же, по крайней мере один раз в жизни, мне чертовски повезло.

В далеком 1977ом году, жарким августовским днем в городе Нальчике я родился, и... сразу умер (нет, везением это не назовешь). Весь синий и слабодышащий, не кричал, как другие младенцы, а лишь спокойно и укоризненно взирал на окружающую обстановку. Не знаю, что я увидел, но мне, очевидно, не понравилось – я закрыл глаза, и остановился сердцем.

Однако у акушеров были на меня другие планы. «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Таков был их девиз.

Младенец был оперативно откачан. Сердце забилося, и я вернулся в мир, чтобы спустя много лет докучать вам этим романом. В общем, так вышло, что, о жизни после смерти, в отличие от большинства умерших, я могу рассказать немало и это – большая удача!

* * *

Рос я хилым и чахлым. Беспрестанно валялся в больнице,

истыканный уколами и опутанный капельницами.

– Его надо закалять! – сказал отец. Семейный совет решил сделать из меня маленького спартанца, и мать повела нездорового потомка «на спорт».

После того, как спартанца последовательно отверг большой теннис, плавание и фехтование, мама смирилась с мыслью, о том, что ребёнку нужно что-то попроще и отдала меня на футбол.

Сначала я даже обрадовался – какой мальчишка не любит футбол! Но эта попытка получилась самой печальной.

Тренер Георгий оказался садистом и мерзким типом. Тогда такого слова не знали, но сейчас его бы назвали «метросексуалом». Весь изящный ухоженный, надушенный он напоминал героя-любовника из мексиканских мыльных опер. Голосок имел тонкий, неприятный и скрипучий.

Как только мама ушла, он принялся издеваться над моей фамилией.

– Зайцев?! Хаха! Нет! Хаха! Ты у нас будешь Заяц! Хаха! Слышали? Все зовите его Заяц! Хахаха! – после такого «весёлого старта» я сразу возненавидел его и футбол вообще.

Когда я продемонстрировал фирменный дриблинг, один раз потеряв мяч, а другой упав на нём, и честно промазал по пустым воротам три раза из пяти, восторгу остроумного Георгия не было предела. Он разнообразил унижения, добавив к «Зайцу» эпитеты «Косой» и «Кролик». Наиздевавшись

волю над моей кривоногостью, он удалил «Кролика» с поля.

С тех пор мои тренировки заключались в том, что пока все играли в футбол, я «отрабатывал удар». Полтора часа бил мячом об стенку. Это было скучно и немного унижительно. Я чувствовал себя изгоем и с завистью посматривал на остальных ребят, которые весело носились по полю.

Наверно тренировок через двадцать я бы уже достаточно «отработал удар», чтобы мне позволили хотя бы изредка выходить на замену, но тут отец решил посмотреть на мои успехи и загубил, возможно, в будущем блестящую футбольную карьеру. Появившись без предупреждения, он наблюдал из-за сетки, как я «отрабатываю удар» под крики тренера: «Косой, ты чо там расслабился? Уши мешают? Хахаха!». После тренировки он отвёл остроумного метросексуала за угол «на пару слов». Через пять минут они вернулись. Под глазом у тренера наливался большой негламурный синяк, а сам Георгий был бледен и задумчив. У папы не было в детстве родителей, которые могли бы его защитить. Он вырос в детдоме, и шуток тренера не оценил

– На борьбу пусть ходит с Димкой, – решил отец, и я отправился на секцию греко-римской борьбы, где уже занимался старший брат.

Дима был гордостью семьи и примером для непутевого меня. Любимец учителей, неоднократный победитель городской олимпиады по физике и математике, чемпион города по этой самой греко-римской борьбе.

Борьбу он ненавидел.

Русских в секции греко-римской борьбы было лишь двое – я и он. Остальные были кабардинцы или балкарцы. Разговаривать они предпочитали на своих языках, да и, вообще, держались недружелюбно. Но, тем не менее, здесь я задержался на пять лет. Все благодаря тренеру – человеку душевному и не без педагогической жилки.

Из нашей секции вышло два чемпиона мира и три чемпионка Европы. Я, правда, никаких спортивных лавров не снискал, но свой момент триумфа был и у меня.

Случилось это через год тренировок.

Борцы занимались в одном спортивном комплексе с футболистами, и изредка играли в футбол, когда поле было не занято. Однажды график тренировок пересекся, нашего тренера не было, и уступить поле футболистам старшие борцы отказались. Футболистам было предложено сыграть на вылет. Кто выиграет, тот и займёт поле. Метросексуал-тренер громогласно обрадовался и всячески стал потешаться над этим вызовом, выкрикивая что-то вроде «Да мои орлы вас порвут! Бугага! И Кролика привели! Мухаха!». Футболисты громко и заискивающе ржали над шутками своего тренера, что было недальновидно.

– Десятиминутный матч, – объявил Георгий. – По итогам победитель забирает поле на остаток тренировки.

Мы победили со счётом 31—4.

Когда за первые две минуты нам забили четыре гола, цен-

тральный нападающий противника ушиб колено. Потом другой футболист ушиб голову. Потом ушиб лицо тренер футболистов. (Он выбежал на поле и пытался эмоционально провести арбитраж игрового эпизода). Потом мы просто стояли у ворот соперника и забивали голы по очереди, а футболисты грустно смотрели.

Мне тогда очень понравилось играть в футбол.

Эпизод 2: Русский стиль

Спорт и медицина переплелись в моей жизни тесным образом.

Я изнурял худое тело всевозможными спортивными дисциплинами, а в свободное от тренировок время лежал, сраженный хворями. Череда банальных коклюшей, ветрянок, корей и свинок изредка сменялась более солидными недугами, вроде болезни Боткина и хореи.

В погоне за укреплением здоровья я перепробовал почти все виды спорта. От рядовых до самых нетривиальных. Был на двух занятиях по ушу, по разу на каратэ и дзюдо, но самым запоминающимся оказалось посещение тренировки по «русскому боевому стилю». Чтобы понять, какие кривые дорожки судьбы завели меня в вертеп, где проповедовалось это спортивное мракобесие, нужно совершить геополитический экскурс в ту, уже достаточно далёкую, эпоху.

До конца 80х я и себе и представить не мог, что являюсь оккупантом и завоевателем. И только в постперестроечную пору выяснилось, что, несмотря на то, что все национальности равны, некоторые все же немного ровнее.

Класс мой представлял собой эдакую миниатюрную этническую модель СССР. Осетин, еврей, грузин, латыш, эстонец, молдаванка, русский, украинец, армянин, кабардинцы, балкарцы, и даже одна девочка «коряк» (насколько я знаю,

данная национальность собирательно называется «коряки», и это что-то вроде чукчей). Никто на эту разницу внимания не обращал, не объединялся и не разъединялся по национальному признаку.

Однако мутный поток бурных девяностых принес в нашу тихую республику среди прочих бед и расцвет национализма. Всё разнообразие народностей куда-то спешно и благо-разумно схлынуло сначала из класса, потом из школы и, наконец, из города. Из некабардинцев и небалкарцев в нашем классе остался только один недоумевающий «куда все поде-вались» русский я и девочка-коряк.

«Врагу не сдаётся наш гордый коряк!» – могли бы мы петь с ней, если бы у неё было чувство юмора. Но чувства юмора у неё не было. Она была страшно глупая и страшно страш-ная, но добрая.

На одежде одноклассников зазеленели исламистские значки и другие прибабасы с арабскими иероглифами. В руках многих появились чётки. Конечно, ни о какой осо-бой правочности речи не шло – водка всё также пила-сь после уроков и успешно закусывалась нехалыльным салом, но в головах многих малых народов вдруг стало просыпаться национальное самосознание. Оно принимало как уродли-вые, так и комичные формы.

В девятом классе, следуя веяниям моды, родители пере-вели меня в из обычной школы в «лицей», и там на первом уроке истории родного края, я узнал, что кабардинцы явля-

ются прямыми потомками римлян.

На втором уроке, Хазир Абуевич, маленький неряшливый преподаватель этого предмета, с какими-то странными седовато-рыжими волосами, смело пошёл ещё дальше, рассказав, что на самом деле древние римляне являются потомками ещё более древних пра-кабардинцев.

Этот парадокс этнологии показалось мне весьма забавным, но, судя по реакции титульной аудитории, комизм лекции оценил лишь я и пара захихикавших балкарцев, впрочем, не могу поручиться, что они хихикали именно над этим, так как в большинстве случаев своим поведением удельывали заморских «бивисов» и «батхедов» и были веселы практически по любому поводу и без оногo. Особенно веселящее действие производила на них (да и на большинство остальных «лицеистов» из близлежащих аулов) моя фамилия. Не прошло ни одной утренней переклички (а такая у нас была), чтобы я не порадовал товарищей.

Обычно это выглядело так:

– Карданов?

– Я!

– Алка́шев!

– Я!

– Калов!

– Я!

– Зайцев! ... и мое хмурое «Я!» тонет в общем рёве веселья.

– За-а-айцев! – повторяет кто-нибудь сквозь спазмы хохота, и слёзы катятся из его глаз, потому что хохотать уже просто невозможно, настолько это смешная фамилия.

– За-а-а-айцевввв! – режут здоровенные бородачи из далёкого села Бабугент.

– Гы-хы! Зайцев! Гы-хы! – утробно похрюкивают из под развесистых клювов балкарские «бивисы и батхеды». И даже дежурный учитель, с трудом сдерживаясь, похмыкивает в густые усы. Ну, очень уж смешная фамилия... «Зайцев»!

Не каждый раз, но хотя бы раз в неделю, какой-нибудь особо остроумный «лицеист» добавляет «Кроликов!», и это добивает даже самых невозмутимых грызунов гранита науки. Хохот уже охватывает всех, включая усатого преподавателя.

Вот в таком, вот, пространственно-временном континууме у моего товарища Бориса родилась идея записаться в подпольный клуб рукопашного боя «Русский Стиль». С Борисом мы познакомились в юридическом классе лица. Помимо своего старинного русского имени он обладал яркой внешностью. Был высок, широкоплеч, голубоглаз, светловолос и кучеряв. Учился Борис на отлично, демонстрировал энциклопедические, как мне тогда казалось, знания по всем предметам и держался исключительно солидно, но вместе с тем располагающе. (Через много лет эти качества привели его в ряды депутатов одной из региональных российских дум, чему я не был удивлён).

– Убойная штука, – шепотом он поведал он мне на перемене. – Основана на старинной системе славяно-горицкой ратной сечи вятичей.

Столь замысловатое определение вызвало у меня лёгкий когнитивный шок, но так как ничего плохого или хорошего по поводу знаменитого боевого искусства я сказать не мог, то ограничился лишь сдержанным кивком и многозначительным взглядом.

«Наслышан», – выражала глубокомысленно-понимающая мина моего лица. Я не хотел ударить перед ним в грязь лицом – Борис был для меня непререкаемым авторитетом в области всего культурного. Он вытащил меня из глубин музыкального невежества, где я вместе с большинством своих периферийных сверстников, как невинный Адам в раю, наслаждался нехитрой смесью из Сектора Газа, Цоя и Сергея Лемоха, и дал вкусить запретного плода Металлики, Аморфиса, Каркаса, Слейера и Моторхеда.

На первую тренировку мы отправились вместе со старшим братом Димой, который к тому времени уже года три как сменил интересы с борцовских матов на водку и женщин и с энтузиазмом откликнулся на предложение восстановить форму в компании загадочных андерграундных славянских сечевиков.

Зал для тренировок находился в городской промзоне, и добраться туда через непролазные канавы и стаи нетолерантных одичавших собак – уже само по себе было испыта-

нием. Сквозь мрачные коридоры полузаброшенного завода мы попали в импровизированный спортзал, где ковались будущие берсерки.

Основной контингент занимавшихся составляла молодёжь довольно тщедушного и «ботанического» вида, но среди них мелькала пара довольно матёрых адептов русского стиля. Пока я гадал, кто же из этих двоих является тренером, про ратные подвиги которого уже был наслышан от Бориса, от толпы разминающихся отделился самого жалкого вида дядька и просеменил к нам. Своей неказистостью этот тренер, наверно, выделялся бы даже на военном смотре сисадинов. Уж слишком непредставительно он выглядел. Около метра семидесяти ростом. Узенькие плечики, тонкие ручки и аккуратное круглое брюшко под впалой грудью. Тоненькие кривые ножки были в облипку обтянуты выдавшими видами трико-алкоголичками с пузырями на коленках. Всю эту шаткую конструкцию лет тридцати пяти венчала большая неровная голова с одутловатым лицом и причёской а-ля «Привет Градскому от Летова».

– Ну что, парни, будем знакомы! Я – Данила. Заниматься хотите? – бодро пискнул он, переместившись в наш угол. Готовность «парней» тренироваться таяла с каждой минутой, но делать было нечего, мы уже все равно пришли, к тому же в зале было зябко и, чтобы окончательно не замерзнуть, не помешало бы подвигаться. После разминки все расцелись по кругу и прослушали лекцию о том, почему «славя-

но-горицкая борьба» круче самбо, карате и бокса. Основными аргументами было то, что она древняя и то, что она русская. Не ограничившись словесными доводами, тренер вдруг вперил пылкий взгляд в моё полное здорового скептицизма лицо – он явно хотел подраться.

– Ты! Иди сюда! – Данила потянул меня в центр круга и, притащив откуда-то ржавый кухонный нож, стал ко мне спиной и приказал приставить тесак к его горлу.

– А теперь, попробуй перерезать мне глотку, – сварливо прогундосил он, после чего запрокинул руки назад, с силой вцепился мне в волосы и начал довольно безуспешно тянуть мою голову вниз и вбок.

В спортзале повисла неловкая тишина, нарушаемая лишь агрессивным сопением дергающего меня за локоны сенсея. Я был обескуражен таким нетривиальным подходом к обороне против ножа и, скривившись от боли, продолжал стоять, держа нож у горла Данилы. Унизительная эта ситуация бы длилась ещё Бог знает сколько, но я, наконец, сообразил, что пора бросить нож на пол, после чего довольный Данила отпустил мою причёску и, приосанившись, горделиво обвёл взглядом учеников.

К моему удивлению в отличие от меня и моего брата все остальные ученики взирали на основного сечевика с глубоким почтением и вниманием.

– На самом деле ты бы просто не смог меня порезать, – снисходительно пояснил он мне. – Моя кожа в экстремаль-

ной ситуации становится, как камень. Достигается специальными упражнениями.

Приободрившись после «победы» надо мной, тренер, видимо, решил развить успех, и позвал в круг моего брата.

– Свиля! Тактика травы и ветра, – загадочно произнёс он и вдруг затрясся всем телом.

Сначала я даже слегка запереживал за него, заподозрив эпилептический припадок, но через несколько секунд хаотичные движения стали более упорядоченными и плавными, и он, довольно непристойно вихляя бёдрами, на цыпочках направился к моему брату.

– Толкай меня, – приказал он. Дима легонько толкнул тренера в плечо, после чего тот изогнулся в виде вопросительного знака, (это, как я понял, должно было символизировать траву на ветру) и с размаху агрессивно шлёпнул ладошкой по каменному плечу брата.

– Возвращаю энергию, – завопил он угрожающе.

Дима нахмурился и, резко выпрямив левую руку, толкнул тренера в грудь. Не ожидавший такой стремительной атаки тренер, несолидно взмахнул руками и неуклюже шлёпнулся на пятую точку.

Среди юных сектантов пронёсся неодобрительный ропот.

– Молодец! – вскочил с пола Данила, потирая ушибленную попу. – Ты вернул энергию. Быстро схватываешь!

На лице его играла поощряющая улыбка, но маленькие красные глазки загорелись недобрым огнём.

– Держи нож, – зловеще произнес он.

Дима взял в правую руку нож и вытянул перед собой в непосредственной близости от брюшка сечевика. На этот раз учитель не был настроен шутить. Резко схватив брата двумя руками за запястье, дёрнул, пытаясь выкрутить руку с ножом. Однако ничего не произошло, железная длань бывшего борца осталась на том же месте. Дима явно решил поиздеваться над тренером.

Покрасневший от натуги Данила дёргался из стороны в сторону, гневно тряся щёчками, но, то ли мой брат, действительно очень быстро схватывал древнее сечевое искусство славяно-горцев, то ли просто разница в физической подготовке была велика, но кончилось всё тем, что тренер позорно отпустил руку с ножом и затравленно уставился на брата, пытаясь восстановить дыхание.

– Та... так... нельзя... слишком жёсткий... любой удар тебя... сру... срубит. Надо... ги... гибче,

Дима меланхолично пожал плечами и вернулся к остальным ученикам.

– Ну, ладно, ты пока новичок, – заявил, отдышавшись, тренер, уже более уважительно поглядывая на брата. – Сейчас смотри, как надо гибко работать.

После этого на арену был вызван один из двух здоровяков и, на мой взгляд, начало происходить уже какое-то совершеннейшее порно. Заставив здоровяка, которого звали Сергей, раскинуться на полу, учитель разместил на его могучей

груди своё сисадминское тельце и сообщил залу, что теперь «Сергей должен попытаться выбраться из-под него».

Дрыщи-ученики вокруг оживились, им явно было не в диковинку наблюдать это действо.

Сергей начал неловко ворочаться под тренером, который довольно точно скопировав движения бурдюка с ...эээ... допустим, водой, стал бултыхаться сверху, изредка, приподнимаясь и вновь агрессивно плюхаясь на самые неожиданные места Сергея. Изредка он поворачивал голову к аудитории и комментировал полную неспособность Сергея выбраться.

– Позём! Пассивное сопротивление! Пассивное сопротивление! – возбуждённо вскрикивал он. – Я не трачу энергии!

После полутора часов таких занятий мы твёрдо решили, что здесь нас видят в последний раз.

– Однажды ко мне пристало трое здоровых хулиганов, и знаете, как я их победил? – решил нас попотчевать напоследок сенсейской мудростью Данила. Нам стало интересно, как «это» может победить кого-нибудь, да ещё в количестве трёх штук.

– Я убежал, – последовал ответ.

– Несомненно, – сказали мы.

Уже темнело и долгий путь назад, через ночную промзону казался особенно непривлекательным.

Эпизод 3: Страх и ненависть в Тырнаузе

Ржавый ПАЗик зелёного цвета трясся по разбитой дороге уже третий час, и горячая пыль из раскрытых по случаю июля окон степенно оседала на наших с братом бронзовых от загара лицах, красиво подсвеченных кабардинским закатом. Конечной точкой назначения был захолустный высокогорный городишко Тырнауз в Приэльбрусье, где на следующий день открывались большие борцовские соревнования имени известного кабардинского борца, о котором я раньше ничего, впрочем, не слышал.

– Немного теплее за стеклом, но злые морозы... – подавленно стонал Юра Шатунов из похрюкивающих колонок, с трудом перекрывая нестройный хор тренеров по борьбе, которые уже успели не слабо поддать дешёвого коньяку и теперь, весело подпрыгивая на ухабах, с жутким акцентом вопили хиты советской эстрады, коверкая и забывая слова. Автобус, набитый всем борцовским истеблишментом столицы Кабардино-Балкарии, петлял по холмистой местности близ селения Аушигер.

Настроение у нас с братом было паршивое: несмотря на регулярные победы, участвовать в соревнованиях он не любил; мне выступать на таком высоком уровне нрави-

лось, но пока я мог похвастаться только чередой живописных поражений. Очередной «пролёт» мог заставить тренера задуматься о том, чтобы перестать таскать меня по соревнованиям, признав в случае со мной свою педагогическую несостоятельность.

Пока же тренер продолжал верить в меня, хотя приводило это лишь к тому, что я выходил на «ковёр», проигрывал за несколько секунд и, сокрушённо покачивая головой причёской, направлялся в раздевалку. Я уже оставил надежду на то, чтобы занять какое-то место и вернуться домой с грамотой и призами, и жаждал одержать хотя бы одну ничью. Шанс был призрачно мал, а вера в свои силы таяла по мере приближения к Тырнаузу. Поделиться переживаниями с братом я не мог – мы, как обычно, были в ссоре и не разговаривали.

Дрались мы с братом в детстве и подростковом возрасте постоянно. Избивали друг друга в школе, получая нагоняй от учителей, бились дома, где сверху ещё добавлял подзатыльников сурового нрава отец, мутузились на отдыхе, в гостях и во время поездок.

Не проходило и полчаса после очередной выволочки, как брат уже пробивал окно моей головой, или я несся за ним с ножом для консервных банок.

Отец постоянно читал нам лекции, о том, что брат должен стоять за брата и не обижать друг друга, разбавляя их увесистыми зуботычинами, но это мало помогало. Конечно,

чуть что, мы моментально бросали распри и объединялись против внешней угрозы, выступая единым братским фронтом, но вот со второй частью наставлений получалось хуже и друг друга мы также не щадили. Львиная доля родительских карательных санкций, однако, обрушивалась на Диминову голову.

– Потому, что ты старше! – мотивировали родители.

Я тогда ещё не слышал крылатого выражения: «Бог создал людей разными, а мистер Кольт уравнил их шансы», но уже широко применял в бою подручный инвентарь в виде ножей, вилок, молотков и других инструментов с целью нивелировать физическое превосходство противника. Брат не оставался в долгу, и порой всё это выливалось в действительно кровавые боины с порезами, ссадинами и разбитыми головами. Ничто не могло остановить наш дух сопротивления. Иногда нескончаемая конфронтация могла застичнуть нас в самом неподобающем для этого месте, как, например, на школьной линейке или за семейным столом, но трудности – это лишь стимул для поиска оригинальных решений. Мы отточили искусство драться незаметно и неслышно, как ниндзя.

Вот и сейчас два подростка одиннадцати и тринадцати лет сидели в автобусе с несколько натянутыми улыбками на лицах, в то время как их средней чистоты ногти впивались в кожу друг друга. Каждый пытался причинить максимум страданий другому, в то же время, как настоящий индеец, не вы-

казывая слабости перед лицом боли. Со временем мы выработали полный иммунитет к щипкам и кручениям и отвергли данный способ ведения боевых действий как неэффективный, но сейчас старый добрый метод ещё практиковался.

От этого увлекательного занятия нас оторвала резкая смена вида из окна. Натужно подвывая, ПАЗик накренился градусов на 30 и, выкашляв огромное сизое облако дыма, начал взбираться по горному серпантину. Дорога была настолько узкой, что перед каждым встречным транспортом мы теснились нашей стороной к пропасти, и у меня создавалось полное впечатление, что мы висим над ней, рискуя в любой момент сорваться. Мы с братом слегка позеленели и с тревогой посматривали на беззаботно горланивших тренеров. Умирать очень не хотелось, но кроме нас, похоже, никто насчет таких мелочей не волновался. Проклиная Тырнауз и все его высокогорнодобывающие производства, я старался не глядеть в окно и лишь гадал, сразу ли мы погибнем, или будем медленно издыхать, созерцая, как наши переломанные конечности обглаживают жирные стервятники.

Тем не менее, через пару часов таких мрачных размышлений мы благополучно въехали на стоянку перед огромным обшарпанным «дворцом спорта», где уже солидно поблескивали хромом и новой краской «Икарусы» команд из более представительных городов Союза.

Вся наша борцовская бригада направилась на взвешивание, где уже царило оживление. Моя категория уже отвзве-

шивалась, вокруг весов собрались будущие соперники брата. Глядя на их мощные шеи, мы с Димой, забыв про ссоры, обменивались пессимистичными шутками по поводу грядущего выступления. В его категории дела обстояли неважно: помимо чемпиона страны прошлого года – грузина из Сочи, к ним умудрился набиться и ингуш – серебряный призёр пошлого года, боровшийся тогда на две категории выше. Вся команда титулованного ингуша долго ругалась и скандалила, пытаясь заставить судью, не замечать небольшого перевеса.

Психологический перелом наступил, когда бугристый от мышц перевесок, игнорируя присутствие в зале женщин, в отчаянии сорвал плавки и, мотая членом, в который раз за утро взгромоздился на весы. Банда сопровождающих завопила ещё громче, и ингуш был принят. Если брат уже понял, что удача была сегодня не на его стороне, и был настроен философски, то меня терзали демоны неизвестности. Я побаивался, что соперники в моем весе ещё более ужасны, и мой проигрыш в этот раз будет особенно душераздирающ.

– Евлоев, город Грозный – Зайцев, город Нальчик, – пролязгал из колонок мегафонный голос председателя жюри, и соревнования начались.

– Паша, порви его! – тренер выдохнул мне в лицо облако ненависти и перегара, и под хрипение бравадного спортивного марша из динамиков под потолком я на ватных ногах направился на ковёр.

Навстречу двигался уже знакомый по моему первому вы-

ступлению на соревнованиях чеченский борец, которому я в прошлый раз проиграл позорным туше за двенадцать секунд. Меня охватила смертельная скука и желание, чтобы всё закончилось побыстрее. Я нервно зевнул и ринулся вперёд.

Схватка была отчаянной. Собравшись, я неуклюже провёл бросок, именуемый в борцовском обиходе «кочергой», и чуть было не перевёл расслабившегося было Евлоева на «туше», но адреналин и ужас проиграть заведомо более слабому сопернику придал ему сил, отчаянным усилием он вырвался, и мы продолжили, как говорят герои вестернов, «танец смерти».

Танец, надо сказать, получался ещё тот. Хореографией перемещения не блистали и напоминали больше пляски пьяного шамана с бубном. В роли бубна, очевидно, выступал я. Вцепившись мёртвой хваткой в обезумевшего чеченца, я мотался в разные стороны. Через минуту и сорок секунд мы рухнули на ковёр, и мне при этом не повезло коснуться его лопатками.

– Туше! – зычно прогудел рефери и хлопнул по коврику ладонью.

– Победу одержал Евлоев, город Грозный, – гнусаво проскрежетали динамики, и, пожав плечами, я отправился в раздевалку, подернутый осенней пасмурностью.

Мне захотелось оказаться дома в мягком кресле с пледом, интересной фэнтэзи-книжкой, бутербродом с маслом и ва-

реньем и большой кружкой чая. Но дом был далеко, и по регламенту предстояла ещё одна схватка, после которой я уже официально считался бы выбывшим из соревнований.

Брат, как обычно, не излучая энтузиазма, вышел на ковёр и технично закидал своего не очень мастеровитого оппонента по очкам. Также меланхолично приняв поздравления тренера в раздевалке, он плюхнулся рядом со мной на скамью и принялся олицетворять уныние. Он ненавидел выступать на людях, а победа означала, что мучения его продлятся ещё на пару кругов. Нет, я его, положительно, не понимал.

Первый круг соревнований закончился и колонки опять пролязгали моё имя, обрекая ещё на пару минут позора. Демотивированный до мозга костей я поплёлся ковать спортивные победы. Член жюри пробубнил имя моего соперника второй раз, но тот не спешил выходить. Щурясь от света прожекторов, я нервно перебирал худыми ногами и с опаской косился в угол противника. Там царило какое-то волнение.

«Что ещё они там задумали?» – пронеслась в голове тревожная мысль.

Через несколько секунд маленький толстопузый тренер отделился от команды соперника и просеменил к жюри. Последовало короткое совещание, и колонки вновь противно залязгали:

«В связи с неявкой соперника победа присуждается Зайцеву, город Нальчик».

Рефери поднял мою руку и несколько ошарашенный я на-

правился к своей команде. Многие товарищи по команде поглядывали на меня с завистью.

– Поздравляю с первой победой, – заржал Дима.

– Да уж, – криво улыбнулся я.

Стало интересно, кто окажется соперником Евлоева. Судя по всему моя вторая схватка будет с проигравшим, так что я был заинтригован. Но, опять волнение в рядах противоположного угла. И.. Не может быть! Ситуация повторяется! За неявкой соперника победа присуждается Евлоеву. Так я, получается, ещё и призёр?!

Не знаю, чем объяснить такой масштабный мор участников в весе до тридцати пяти килограмм, но в итоге оказалось, что на мой вес приехало всего два (включая меня) человека, половине из которых я успешно проиграл, за что и получил приз и грамоту. Брат мой хмуро взял третье место, уступив сочинскому чемпиону и перевешенному ингушу. Шутки тренера на тему моего призёрства сопровождали меня всю обратную поездку, но в целом мы с тренером были довольны.

Он был рад, что я улучшил статистику клуба, а я был рад, что ещё раз подтвердил сакраментальную истину, гласившую, что недостижимых целей не существует для тех, кто верит в себя.

Эпизод 4: Любовь и электричество

Первый раз я влюбился уже в зрелом возрасте. В зрелом для первой любви, а не вообще. Потому что, по данным статистики и казуальных опросов знакомых, все (особенно девушки) первые свои раны от стрел Амура получили в детском саду или, на крайняк, в начальных классах школы. Я же спокойно прокантовался невлюбленным до вступительных экзаменов в ВУЗ.

До этого мозг был занят другими проблемами. Представления о любви были крайне смутные. Суровый мир, в котором я существовал с тринадцати до семнадцати лет, не располагал к подобным глупостям, распространённым среди подростков из более благополучной среды.

Говоря о «более благополучной социальной среде», я, конечно, не имею в виду, что я родился в семье алкоголиков или что-то в этом роде. На самом деле мертвецки пьяным я видел отца только два раза в жизни.

Первый раз, когда ему, простому прорабу, дали какую-то правительственную грамоту, что-то типа почетного строителя республики, и он наотмечался, как говорится, «до изумления». Единственно, что в данном случае изумляться пришлось нам с матерью и братом, когда мы пришли среди бела дня с базара, и вдруг увидели, что окно нашего одноэтажного дома (или «барака», как их называли) открыто, и оттуда

торчат чьи-то неподвижные ноги. Мать так испугалась, что велела нам позвать соседей и уже с ними, вооруженные молотками и кухонными ножами, мы обнаружили невероятным образом безмятежно спящего вверх ногами отца.

От шума он проснулся, открыл один глаз, как гигантская летучая мышь поворочал головой, оглядев собравшихся, и, с трудом ворочая языком, осведомился: «Кто вы?». После чего, видимо решив, что мы ему снямся, закрыл глаз обратно и вернулся ко сну. От возмущения мать на секунду потеряла дар речи, и, всплеснув руками, повернулась к нам и беспомощно воскликнула: «И он ещё спрашивает, кто МЫ?!».

Второй раз отцовского падения тоже сопровождался драматическими спецэффектами. В два часа ночи нас разбудил шум во дворе и стук в дверь кулаком. Пьяный мужской хриплый голос с мощным балкарским акцентом спросил: «Зайцевы здэсь живут?»

– Да, а кто это? – спросила перепугавшаяся мама через дверь.

– Мы Сэргей привезли.

В ужасе от дурных предчувствий мама принялась дрожащими руками отпирать замки. Два натуральных абрека внесли отца за руки и за ноги.

– Пусть спыт, многа пиль, – сказали абреки, аккуратно положив отца на кровать.

– Двэрь савсэм так дэржи, – обратились они ко мне, после чего начали заносить в дом бараньи туши. Их было три шту-

ки. Туш, не абреков. Гора мёртвых баранов осталась лежать у нас на кухне, а абреки уехали.

Потом мы узнали, что во время сдачи одной из подстанций в высокогорном ауле, выпив с местными властями, отец похвастался председателю совхоза, что хорошо играет в шахматы. Оказалось, что в этом селе очень активен шахматный клуб и балкарские «васюковцы», изнывающие без достойной конкуренции, не могли отпустить нового соперника, не сыграв пару партий. Играли они всегда на интерес. Точнее на баранов. Интерес к баранам в высокогорных селах традиционно высок.

Скорее всего, прагматичные балкарцы решили спойть отца, чтобы повесить свои шансы. Но они не могли знать, что шахматы – его самая сильная тайная страсть, и что на его счету к тому времени были победы над мастерами спорта и даже одним гроссмейстером. Шахматные любители были разбиты отцом в пух и прах, но и сам он пал жертвой их бескомпромиссного гостеприимства.

«Де юре» отец прибыл домой «со щитом», но «де факто» внесли его «на щите».

Несмотря на трезвость, экономность и трудолюбие моих родителей финансовое положение нашей семьи постоянно колебалось между «плачевно» и «весьма плачевно». Брат донашивал одежду отца, я донашивал одежду брата, а нашими соседями по частному сектору, где родители умудрились выбить жилплощадь от предприятия, были через одного быв-

шие зеки и дети бывших зеков.

С одной стороны нас с братом держали в ежовых рукавицах, чтобы уберечь от соблазнов преступной жизни, внушая нам, как пели Битлз, «that a man must break his back to earn each day of leisure» *. С другой стороны улица постоянно загружала наши юные мозги задачами на выживание и борьбой за место в суровом социуме. Если учесть, что в среде моих сверстников было модно быть «хулиганом» и не модно читать книжки, то такие «не пацанские» темы для обсуждения, как любовь к девушкам, в принципе не особо котировались.

Кроме этого воспитанные в детдоме наши родители не были экспертами в воспитании детей, и не имели современного удобства в виде интернета, поэтому их педагогические принципы в области просвещения о взаимоотношении полов сводились к сакраментальному: «Не пуцать!»

– Кажется, кому-то пора идти делать уроки? – говорили родители, как только во время семейного телепросмотра на экране вырисовывался хотя бы намёк на целомудренные поцелуи.

– Мы уже сделали, – отвечали мы.

– Тогда вам пора ложится спать, – следовал вывод.

Воспитанный в таком духе родителями и улицей, я был абсолютно безоружен перед девочками и, если бы какой-нибудь из них в старших классах пришло бы в голову обратить на меня внимание, я был бы смятён и обращён в бегство.

Другое дело, что девочкам не приходило в голову обра-

щать на меня внимание. Наградив меня самой заношенной и не модной одеждой в классе, худобой и не модельными чертами лица, судьба не успокоилась. К пятнадцати годам, она неожиданно расписала мою многострадальную вывеску сыпью юношеских прыщей, которые, как тяжёлая могильная плита, надёжно скрыли от девичьих глаз природное остроумие и «богатый внутренний мир», которые оставались моим последним оружием для покорения сердец.

Вообще, пятнадцать лет – это тяжёлый возраст. Ты уже в полную силу испытываешь непреодолимое желание быть замеченным противоположным полом, но ещё выглядишь угловатым недоразумением и не умеешь играть на гитаре.

И это, я вам скажу, адская дилемма. Как любили в таких случаях писать литературные критики эпохи соцреализма – «мечты героя столкнулись с жестокой реальностью». В моём случае, как мне казалось, проклятая «жестокая реальность» была ко мне более жестока, чем к другим сверстникам. Я чувствовал себя пресловутым Квазимодо. С той только разницей, что Квазимодо умел не кисло зашлифовать на колоколах и был брутальным накачанным сукиным сыном, а мои супергеройские навыки заканчивались окучиванием картошки на родительской даче и вязанием смешных человечков из трубки от капельницы, чему я научился, валяясь по многочисленным больницам.

Придавленный бременем собственной ничтожности я бродил по книжным магазинам и тырил книжки фэнтези

в промышленных масштабах. Казалось, только магия может изменить мою жизнь к лучшему. Я страстно искал встречи с волшебным и неизведанным и наткнулся на могущественный магический эликсир по имени «водка».

Чудо свершилось! Всего несколько глотков огненной воды обеспечивали +40 к собственной крутости и -200 урона от жизненной несправедливости, и наполнили мою жизнь новыми увлекательными приключениями и происшествиями.

Встреча с горячительным произошла в бригаде электриков-строителей, куда отец пристраивал меня с братом каждое лето с целью подвергнуть трудовому воспитанию по методу Макаренко. Электрики были не прочь скрасить рабочий обед парой-другой стаканчиков, и, опасаясь доносов с моей стороны, решили втянуть меня в своё алкогольное общество.

Маленькими глотками, как компот, без остановки я выпил полный гранёный стакан горячей от солнцепёка водки, отвергнув широким жестом услужливо протянутый бутерброд с подтаявшим куском сала и кружку разбавленного водой варенья. Этот без сомнения мужественный поступок вызвал бурю комплиментов и похвал со стороны квасящих коллег, чьи наученные многолетним опытом желудка отказывались единовременно принимать в себя больше ста грамм, и немедленно требовали после этого запивки или закуски.

Молодой и наивный организм не понимал, с чем встретился. Стакан горячей палёной водки взорвался в пустом же-

лудке и перемешал всё в голове, наполнив меня великолепным настроением и жаждой деятельности. Послав напарника отключать питание линии освещения на щите, я решил снимать светильники в цеху макаронных изделий. Рабочий персонал цеха состоял целиком из девушек-упаковщиц, что придавало моему скучному заданию определённую пикантность.

Широким уверенным шагом я приближался к обречённым светильникам через залитый палящим августовским солнцем двор. Чёрная майка-безрукавка не скрывала стальных мышц, перекатывавшихся под красивым южным загаром, тёмно-русые волосы выбивались из под модной банданы, лихо закрученной на голове. Старые потёртые джинсы и пояс монтажника с инструментами подчёркивали мою принадлежность к уважаемой касте электриков.

Со стороны это выглядело, как если бы Джон Бон Джови сам лично спустился со сцены, чтобы пооткусывать кусачками старые светильники в макаронном цеху хлебокомбината села Залукокоаже. Ну, по крайней мере, мне так казалось в тот момент.

Двустворчатая дверь цеха, всхлипнув, разметалась в стороны от удара ногой и на секунду всё движение в цеху замерло. Прекрасные упаковщицы застыли, не в силах оторвать взгляд от мужественной фигуры юного электрика, явившейся пред ними в лучах заходящего солнца. Музыка из кинофильма «Профессионал» играла в моих ушах, когда я од-

ним ловким движением взметнулся на двухметрового козла и встал во весь рост перед линией питания.

«Ну что ж... здесь придётся поработать», – как бы говорил мой серьёзный вдумчивый взгляд, выражающий глубокий профессионализм и презрение к трудностям.

Выждав для надёжности пару минут, чтобы убедиться, что напарник точно отключил ток, я достал сверкающие незаизолированные кусачки и впился ими в старый почерневший провод светильника.

Я уверен, что почти каждый из моих читателей раз или два в жизни испытал на себе негостеприимство 220-ти электрических вольт из неисправной розетки или протёкшего электрочайника. Это неприятно, это огорчает, но это, в принципе, терпимо. Я знаю, меня било током очень много раз.

Что такое 380 вольт? Это, казалось бы, не критично больше, чем 220 вольт. Однако практический опыт показал, что между двумя данными цифрами существует, как говорят наши друзья американцы, целый мир разницы.

В ту секунду, когда острая сталь моих кусачек рассекла медь электрического провода, позади меня материализовался десятиметровый демон из Преисподни, обхватил меня, с чудовищной силой сдавил, так что захрустели все кости, а дыхание остановилось, и яростно подбросив воздух, ударил об настил деревянного козла.

Не удержавшись на настиле, медленно и неуклюже я ссы-

пался с двухметрового шаткого строения, не меняя позы эмбриона. Пытаясь из последних сил не сломать себе шею при падении, по дороге к земле я пару раз зацепился о неструктурные доски локтём, мучительно раздирая его в кровь.

Мои конвульсии выглядели бы невероятно смешно, если бы не лицо, перекосившееся в страшной гримасе.

Пальцы, которыми я держал кусачки, обгорели и почернели (слава богу, как потом оказалось, смотрелось это хуже, чем было на самом деле), бандана слетела, а волосы мои образовали неуместное афро, вытянувшись под действием электричества, как это обычно показывают в дурацких комедиях.

На автомате я поднялся с пола и секунду стоял, покачиваясь и моргая глазами. Через ещё секунду я смог вздохнуть, и мир содрогнулся от вопля, который постепенно приобретал членораздельность, вылившись в поток отборной брани.

Оставаться в цеху после такого неромантического завершения работы было неудобно, и, сделав вид, что вдруг вспомнил о неотложном деле, я ретировался из цеха.

* «Каждый день отдыха должен быть заработан в поте лица» (С) Girl – The Beatles (перевод с англ.)

Эпизод 5: Юрчик

Лето 1994-го началось штроблением стен и монтажом светильников. Днём я трудился в бригаде электриков, подчинённых моего отца (бригада ух! – работаем до двух), с которыми мы скорее нередко, чем редко приговаривали за обедом бутылку другую портвешка, а вечера пролетали в весёлых пьянках с братом и Юрцом, нашим лучшим другом, по случайности бывшим вдвшником и по знакомству нынешним сержантом ФСБ, в сарайной штабквартире, которая перевидала за это время немало.

Меня и брата с Юрчиком связала настоящая дружба. Это было родство интеллекта, основанное на одинаковом чувстве юмора и жизненных принципах. Мы трое имели слишком высокие культурные запросы, чтобы смешаться с толпой районных «конкретных пацанов», и слишком жизнелюбивый нрав, чтобы вести «ботанический» образ жизни. У нас словно появился третий брат, который во многом стал нам моделью для подражания.

Вечерние философские беседы под водочку часто превращались в ночные походы за «второй» или «третьей», которые заканчивались стычками и потасовками с группками враждебно настроенной приклатнённой гопоты, что только укрепляло маленькое братство, где каждый был готов рискнуть за друга здоровьем, а то и жизнью.

Однако чем бы ни была моя жизнь в то лето, будь то электрические разряды или кулаки гопников, ничто не могло украсть непреходящего ощущения счастья. Я только что закончил школу и жил ожиданием того дня, когда смогу вырваться из порядком доставшей меня серой и суровой окружающей действительности и полной грудью вдохнуть воздух студенческой свободы.

Многие люди задаются вопросом: «Что же такое счастье?» Я для себя нашёл ответ довольно быстро. Счастье – ожидание перемен к лучшему. Человек счастлив, пока в жизни есть позитивная динамика. Всё остальное – понятие относительное: нищий, нашедший три рубля, счастливее, миллионера, чьи акции упали на 0,0001 процент.

Вечера того лета врезались в мою память навсегда. Я запомнил их в мельчайших деталях со всеми красками и запахами и при каждом воспоминании вновь погружаюсь в них. Эти моменты безвозвратно ушли, но, я верю, они и сейчас существуют где-то в параллельной реальности, заботливо созданной моей памятью. Там прямо в эту минуту в магнитофоне, висящем на стене просторного каменного сарая, играет сборник из песен Кузьмина, Дейла Кавердейла и Яна Гиллана. Это Юрчик окультуривает наши непросвещённые мозги ротацией любимого хард-рока.

Он сидит, держа в руке пластиковый стаканчик с дешёвым портвейном, и, изредка кривясь от боли и хватаясь за рёбра, рассказывает о последних приключениях.

В прошлые выходные он ездил на спасение машины своего друга в село под Нальчиком. Село было кабардинское, но с незапамятных пор там угнездилась мощная осетинская диаспора. У друга угнали выдающуюся восьмерку модного цвета «мокрый асфальт» некие осетинские воры, которые, по стандартной схеме, предложили возвратить украденное за определённую мзду.

Несмотря на то, что товарищ Юрчика (так как история не сохранила его имени, я буду называть его, Гришей) служил младшим сержантом при гараже МВД, решить вопрос через административный ресурс у него не было шансов. В республике исторически у каждого бандита имелся свой разной степени высокопоставленности родственник в Министерстве Внутренних Дел. Без этого извлекать добавленную стоимость из преступной деятельности в КБР считалось моветоном. Однако сдаваться судьбе было не в Гришиных правилах.

Пострадавший явился с жалобами и полным пакетом подношений к Юрчику. После двухсуточного возлияния в полукомнатной резиденции Юрца герои повествования пришли к выводу, что с волками нужно разговаривать по-волчьи и, вооружившись двумя бутылками коньяка, праведным негодованием и сивушным перегаром, отправились на встречу с осетинской транспортной мафией.

Поначалу все складывалось удачно. Прибыв на место встречи на окраине захолустной деревушки, мстители обна-

ружили осетинского торчка астеничной наружности, который не без усилий поведал им о своих несправедливых замыслах.

Гнев силовиков не заставил себя ждать. Наркоман был истыкан ксивами и затрещинами и водружен на заднее сиденье такси, после чего вся компания покатила туда, где, по словам скисшего правонарушителя, обреталась угнанная машина Григория.

В процессе перемещения угонщик несколько раз путался и давал неверные указания, вследствие чего половина его головы покрылась слюной Гриши, который безостановочно орал что-то угрожающее в торчковое ухо. Другая половина украсилась радужным переливчатым синяком, за авторством Юрчика.

Нестись по пыльным ухабам кавказских степей, подогревая себя коньяком, и подвергая незамысловатым, но справедливым пыткам, злополучного транспортного злоумышленника, было весело, но, как говорил Соломон, проходит всё, даже хорошее.

Под психоделические запылы кабардинской этнической музыки из старой магнитолы наша компания ворвалась на укромную поляну, где приветливо поблескивала боками родная Гришина «восьмёрка». Это была радостная часть новостей. Грустной частью новостей были мрачного вида люди, одетые в модный китайский ширпотреб. Они стояли вокруг украденной машины полукругом и производили удру-

чающее впечатление.

Как опытный тактик, наш друг решил действовать решительно.

– Салам Алейкум, братья! – выскочил он из машины, уверенным взглядом обводя собравшихся. – Мы с вами живём на одной земле, по одним законам!

Речь была пылкой и убедительной. Подогретый коньяком Юрец, походя, дал прикурить Цицерону, Демосфену и, зачем-то, Катону Старшему. Загипнотизированная аудитория замороженно колыхалась в надвигающейся тьме, как кобра перед дудкой факира.

Пылкая риторика разила низменные инстинкты подельников разукрашенного торчка (а это были именно они), и призывала выпить вместе по братским понятиям, обняться и отдать машину первоначальному владельцу. Угонщики внимали вдумчиво и где-то даже почтительно. На определённом этапе перед Гришей забрезжила надежда уехать отсюда на родной восьмёрке.

– Надеюсь, всем теперь всё ясно? – закончил свою речь Юрец.

– Мне ещё раз объясни, – от толпы отделилась двухметровая гора мышц, заросшая рыжей шерстью и приблизилась к Юрчику. – Я не понял.

(На этом месте Юрчик прерывает свой рассказ.

– Ну, за понимание! – мы чокаемся пластиковыми краями и выпиваем.

Повисает пауза. Мы громко похрустываем огурцами с нашей дачи.

– Так, а что же дальше? Что ты ему сказал? – спрашиваем мы.

Юрчик улыбается печально и иронически.

– Да я посмотрел на него снизу вверх и понял, что он слишком здоровый – не поймёт.)

– Ты слишком здоровый – не поймёшь! – сказал Юрчик и что есть силы треснул абрека в челюсть. Громила слегка качнулся из стороны в сторону, тряхнув головой, и ситуация, всхлипнув, перешла под контроль кровожадных угонщиков машин.

В описании дальнейшего Юрчик и Гриша не могли прийти к консенсусу, но оба сходились на том, что большинство угонщиков было обуто в кроссовки, а не в ботинки, или, скажем, кирзачи. Иначе всё могло закончиться гораздо хуже.

(Мы наливаем ещё и толкаем одобрителные тосты, перемешивая их шутками. А фраза «слишком здоровый, не поймёт» становится нашим локальным мемом.)

Это было счастливое время.

Я одновременно жаждал перемен и новых впечатлений, но не хотел расставаться с людьми, ближе которых у меня не было. Думаю, что-то подобное испытывали и они. Они, конечно, были рады за меня и даже где-то горды тем, что я смог вырваться из болота этого гиблого городка в большую и интересную жизнь. С другой стороны со мной отсюда ухо-

дила какая-то счастливая и беззаботная пора. Ведь двое друзей – совсем не то, что трое.

Мы стали чаще шутить и смеяться, скрывая печаль от неминуемого расставания. Юрчик обещал приезжать в Пятигорск, в котором располагался мой институт. Однако потом за пять лет так ни разу и не выбрался ко мне, хотя отделяли нас всего лишь три часа на автобусе.

Прошли годы. Жизнь раскидала нас за тысячи километров, редкие звонки сменились молчанием. Постепенно разговоры стали всё более натянутыми. Юрчик обижался, что не приезжаем и редко звоним. Злился на себя, что не может решить финансовые проблемы и самому выбраться к нам. И, мало помалу, общение сошло на нет. Когда вы живёте разной жизнью за тысячи километров друг от друга, общих тем для разговора становится все меньше.

Мы с братом винили себя, что потеряли связь с другом. Каждый раз, выпив водки, клялись в один прекрасный день бросить всё и приехать к Юрцу в Нальчик. Нагрнуть с подарками и закутить на неделю. Так, как мы никогда не могли закутить в дни нашей юности по причине хронического безденежья. А жизнь затягивала бытовыми проблемами постоянными «важными» тратами, и время уходило.

Однажды вечером мы с жаром обсуждали, что столько раз обещали себе навестить старого друга и не сдержали обещаний. В запале было решено бросить все и поехать в гости к Юрцу. Всю ночь предвкушали, как прокатимся на такси

по местам боевой славы, навестим вместе с Юрчиком старых приятелей из тех, кто еще нас помнит.

На следующий день я проснулся в отличном настроении, окрылённый решением. Позвонил и забронировал гостиницу в Нальчике, заказал билеты и набрал старый номер, по которому не звонил уже несколько лет.

Я сильно волновался. Не знал, что услышу в ответ. Я был готов к упрёкам и обидам. Но все же был уверен, что, несмотря ни на что, Юрчик будет рад слышать нас, а тем более будет рад узнать, что мы едем.

Трубку поднял его отец.

– Добрый вечер Александр Петрович, а Юру позовите.

– Кто его спрашивает?

– Это Дима и Паша, друзья его, мы жили недалеко от вас раньше, помните?

– А Юры нету...

– А когда будет?

– Юра умер полгода назад.

Эпизод 6: Обособление обстоятельств

После окончания школы человек превращается в личность. Я говорю о том, что он в первый раз может распорядиться своей жизнью до некоторой степени самостоятельно. Кто-то идёт в армию, кто-то упорно готовится все лето, надеясь без взяток поступить в какой-нибудь самый-престижный-ВУЗ-страны... и только потом идёт в армию. Кто-то выбирает путь наименьшего сопротивления и подает документы туда, куда уж точно возьмут, и потом работает менеджером по продажам китайских фонариков в метро, гордо повесив на стену диплом дизайнера пляжных зонтиков и садовых оград с отличием... от нормального диплома.

В лингвистический институт я попал, минуя кулинарный техникум, и военную академию. Сейчас уже не помню, откуда у меня была такая тяга к кулинарии и военному делу, но чаша весов моей судьбы угрожающе пораскачивалась и склонилась в итоге к инязу.

С детства иностранные языки давались мне легко. Однако русский, что называется, «хромал», и часть семейного бюджета была выделена на то, чтобы подтянуть грамматику и пунктуацию у эксклюзивного репетитора, к которому меня устроили по «большому благу и протекции».

Репетитор был не прост. Его отрекомендовали как бывшего зам. зама. министра образования республики и заслуженного учителя РФ.

При личной встрече оказалось, что он – это древняя старушка по имени Изольда Ивановна. За стеклами её дубовых сервантов пылились все награды, которые мог «нафармить» * преподавательский персонаж её уровня за такую длинную карьеру. Основной её странностью было то, что она вставляла в свою речь какие-то абсолютно нелогичные паузы. В итоге, за свои же деньги мы выслушали получасовую речь о том, как ей недосуг заниматься с учениками, и какое большое одолжение она нам делает...

– Русский... язык недаром называют... великим, – пафосно проинформировала она, и процесс начался.

Эксклюзивная группа абитуриентов-филологов состояла из меня и Вовы, который в первый же день знакомства у подъезда бабкиной резиденции предложил мне раскурить косячок (от чего я вежливо отказался), и подогнал кассету группы Nirvana, которая показалась редкостной нудятиной. Я ответил ему двойником своей любимой группы – Helloween «Зе киперз оф зе севен киз» и был удостоен снисходительными ремарками.

Разумеется, как настоящие интеллектуалы, мы оба считали, что слишком начитаны и подкованы в родной речи, чтобы ходить к репетитору. И к первому тестовому диктанту подошли с намерением показать старушке, что она зря бе-

рёт с нас деньги. Я сделал в диктанте 13 ошибок, а Вова 21. Изольда Ивановна торжествующе посверкала очками и приступила к муштре.

Сказать, что атмосфера, царившая на занятиях, была скучна, значит не сказать ничего. Под тиканье настенных часов с кукушкой и мерное бормотание королевы репетиторов мы водили ручками по бумаге, попеременно зевая до боли в скулах. Мой молодой организм протестовал против этой полуторачасовой пытки, и однажды, перед очередным уроком я согласился на предложение Владимира скрасить скучные занятия *[удалено цензурой]*.

– Будет весело, – пообещал он.

Я себе и представить не мог насколько весело будет.

Сделав несколько затяжек, я ничего особенного не почувствовал. Мы ещё поболтали на улице и пошли на занятие. Накрыло меня уже, когда мы прошли в дубовый кабинет, приспособленный для наших репетиторских истязаний.

– Тема сегодняшнего урока – «Обособление обстоятельств», – торжественно провозгласила Изольда Ивановна.

«А-ба-са-бле-ни-е-аб-ста-йа-тельст-в, – подумал я, – А-ба-са... бли-и-и-ин...»

Володя зачем-то хихикнул, и я понял, что урок будет нелегким.

Исполненный уважения к этим самым обстоятельствам я взялся за ручку и начал писать диктант. Старушка диктовала нам отрывок из книги Островского «Как закалялась сталь».

Там есть эпизод, когда главный герой Павка Корчагин приходит домой к девушке Тоне из богатой семьи. А по ходу романа, если кто не читал, Павка показан таким библиофилом из народа, что в неудержимой тяге к знаниям измусолил все три книжки, до которых дорвались его мозолистые пролетарские руки, и теперь хочет ещё. И в данном конкретном отрывке он приходит к Тоне домой на чай и видит, что у них дома книгами забиты целые шкафы.

– Павка окинул взглядом длинные ряды книг и удивился, – продиктовала наша мумиеобразная репетиторша, ритмично клацая вставными челюстями.

Написав это предложение, я по привычке пробежал его глазами ещё раз и замер. То, что я написал, показалось мне жутко забавным. Я глубоко вздохнул, надул щёки, покраснел и опустил голову, пытаясь подавить непреодолимый взрыв смеха, который рвался у меня из груди.

– Что случилось, Павел? Вы не пишете? – старушка удивлённо воззрилась на мои метаморфозы.

На беду ими также заинтересовался накуренный Володя. Он с любопытством заглянул в мою тетрадь, прочитал, написанное мною, вздрогнул и, сделав судорожный вздох, резко отвернулся и затрясся в попытке подавить нездоровое веселье.

– Молодые люди, вы устали? – Изольда Ивановна явно была в недоумении.

Наступила пауза. Пару минут мы тряслись от беззвучного

хохота. Наконец, не поднимая головы, я помотал ею.

– Мы можем продолжать?

Опять минутная пауза. Усилием воли я поднял на неё полные слёз глаза и опять, молча, кивнул. Я сделал ещё несколько глубоких вздохов, и постепенно взял себя в руки. Казалось, потенциальный конфуз был позади, но тут я, перевел взгляд на Володю, и увидел его красное, трясущееся и кривящееся лицо, перекошенное судорогами сдерживаемого смеха. Нас рвануло одновременно.

Мы не засмеялись, и даже не захохотали. Звук, который вырвался из наших глоток, был похож на предсмертное ржание умирающих мустангов. Мы ревели, хрипели и гоготали, стуча лбами по деревянному столу, выпучив глаза и надувшись венами на шее. Мы выли и задыхались, но не могли остановиться. Наши, управляемые каннабиноидами мозги бились в припадке наркотического веселья.

Старушка явно потеряла самообладание и не знала, что делать. Оживленно потряхивая, остатками прически она испуганно переводила взгляд с меня на Вову и молчала.

– Что у... вас там смешного? Ну-ка, дайте-ка? – она потащила к себе мою тетрадь и начала читать вслух.

– Павка окинул взглядом длинные ряды книг и удавился, – произнесла она. Окончание фразы потонуло в нашем хохоте.

– Ааа... у вас же тут ошибка. Вы вместо «удИвился», написали «удАвился», – я поднял мокрое от слез лицо и закивал.

Ещё минут пять после этого ушло на воспоминания Изольды Ивановны о том, какие они тоже были смешливые в юности «смеялись над любой... ерундой». Учитывая, что наша чрезмерная весёлость имела совсем иную природу и объяснялась мощным воздействием отборной краснодарской *[удалено цензурой]*, эти воспоминания поставили нас опять на грань приступа, но постепенно мы взяли себя в руки, и диктант продолжился.

Испытывая стыд от своего непотребного поведения, диктант мы дописывали в полной сосредоточенности, пытаясь не выпускать эмоции из-под контроля.

Минуты текли медленно. Вперив глаза в свои тетради, под монотонное бубнение старушки и тиканье настенных часов, мы старательно выводили предложение за предложением, не забывая обособливать обстоятельства. Неожиданно речь старушки приобрела некоторую невнятность.

– Жыгрыхкхлхлюп, – сказала вдруг она.

Не отрывая глаза от тетради, я замер, наострив уши.

– Ыычхлиип-клац, – продолжила через секунду Изольда Ивановна. Я поднял на неё глаза и в ужасе увидел, как вставные зубы заслуженного преподавателя Российской Федерации вываливаются изо рта. Пытаясь предотвратить скоропостижную разлуку с жевательным аппаратом, старушка сделала пару судорожных хватательных движений челюстями, но зубы, покинув владелицу, с глухим стуком упали на тетрадку, лежавшую перед ней.

На миг воцарилось молчание. Мы с Володей в отчаянии посмотрели друг на друга и рухнули на стол в истерическом пароксизме.

Я понимал, что смеяться над уважаемой преподавательницей и по совместительству древней бабушкой, было верхом неприличия. Но неприличность ситуации смешила меня ещё больше. Было невероятно смешно, и я ничего не мог с этим поделать.

Сконфуженные и красные от смеха и стыда мы кое-как досидели до конца занятий и вывалились на улицу.

– Это был абзац, – резюмировал Вова, когда мы стояли и давились беляшами у ларька, пробитые на хавчик немилосердной *[удалено цензурой]*. Я его мнение разделял полностью.

Памятное для меня, наполненное разнообразными событиями лето 1994-го подходило к середине. И вот настал час «Икс», или час «Э». Я про вступительные экзамены. Многие люди не любят сдавать тесты и экзамены. Мне же всегда это нравилось, потому что подспудно я всегда воспринимал их как шанс показать себя с лучшей стороны.

Как я уже писал здесь ранее, именно во время вступительных экзаменов со мной случилась первая любовь. Я уже успешно сдал на отлично два экзамена из трёх – историю и английский язык, третьим и последним было написание сочинения, и оно должно было решить, поступлю ли я или отправлюсь ловить «вспышку справа» и ходить в наряды.

Однако натасканный Изольдой Ивановной на дееспричастные обороты и сложные суффиксы я был спокоен и почти не сомневался в успехе.

С легким превосходством и интересом я поглядывал на других абитуриентов. Молодые люди и девушки в основном обладали прогрессивной внешностью и резко отличались от привычных моему глазу обитателей рабочих кварталов города Нальчика. Многие парни носили длинные причёски, и имели вид неформальный и местами даже богемный. А девушки были раскованы, дружелюбны и, как на подбор красивы, или хотя бы милостивы. В основном это была молодёжь из русскоязычных городов юга России – Ставрополь, Ростов, Волгодонск, Зеленокумск, Новороссийск, Кисловодск и т. д.

Несмотря на всю уверенность в себе, я немного робел перед ними. Они казались мне более продвинутыми, модными и раскованными.

– Привет! – я обернулся и увидел рядом с собой неземной красоты девушку. Её стройные ноги по последней моде облегли белые лосины, вырез ярко-красного пиджака с золотыми пуговицами демонстрировал высокую грудь, под белой шёлковой блузкой. Она что-то говорила мне, но я не слышал. Не в силах отвести взгляд я стоял и пялился, расплывшись в глупой улыбке.

Это была пресловутая любовь с первого взгляда. Если вы можете представить себе семнадцатилетнюю голубоглазую,

русоволосую Вайнону Райдер, то вы можете понять, как выглядит бледное подобие моей первой любви. Она была так красива и стояла так близко, что я превратился в библейский соляной столб. Очарованный, вдыхал её аромат молодости, лета и апельсиновых духов, начиная потихоньку осознавать, что ангел перестал улыбаться и приобрел вид несколько озадаченный.

– Эээ... чего? – брякнул я, благодаря природу за то, что она лишила моё лицо способности краснеть, какое бы смущение я ни испытывал.

– Ты тоже сочинение сдаёшь? – повторила девушка.

– Ага... я... это... сдаю, да...

– Слу-ушай, помоги, пожалуйста, будь другом, – голос девушки приобрел просительные интонации. – Я шпаргалки не успела написать, не поделишься, если у нас темы будут разными?

Я сглотнул накопившуюся во рту слюну, и она прогрохотала по моему пересохшему горлу, как гиря, выброшенная в мусоропровод в три часа ночи.

– Конечно, не вопрос. (Кто бы смог отказать на моем месте! Посмотрел бы я на такого!)

– Ой, спасибо тебе большое! – ангел вновь озарился чудесной улыбкой. – Тогда сядем вместе?

– Угу, – горячая волна смущения окатила меня от пяток до макушки.

– О, всё, уже зовут, пошли быстрее, надо хорошие места

занять, – она без колебаний взяла меня за руку и потащила сквозь толпу абитуриентов в аудиторию.

Млея и тая, я плыл за ней, как самое счастливое в мире облако. С самого начала я связывал надежды на чудесные изменения в моей жизни с поступлением в этот институт, но не знал, что они начнут сбываться с такой скоростью. Ещё вчера в дранных спортивных трико и промасленной рабочей майке я, пошатываясь, брёл в окружении двух других трущобных рыцарей на квартиру подпольной торговки за второй бутылкой палёной водки, чтобы распить её в грязном сарае, и вот я уже держу за руку самую красивую девушку на свете, которая явно очень положительно ко мне расположена.

Я вытянул билет по мотивам романа «Горе от ума» Грибоедова, а ей выпала одна из тем по «Войне и миру». Мой ангел с надеждой и приязнью посмотрел на меня пронзительно чарующим взглядом, и тут я вспомнил, что никаких шпаргалок по «Войне и Миру» у меня нет. Да и с чего бы им появиться у меня? Исчитав до дыр все книги в трех нальчикских библиотеках, я был уверен в себе, и моя программа подготовки к экзаменам состояла из ударного распития водки, пива и портвейна. Никакого написания шпаргалок.

Ужас, что я подведу Её, обуял меня, и в голове тут же возникло решение.

– Ну, вообще, по шпаргалкам писать опасно. Давай я лучше напишу тебе сочинение, я знаю твою тему, ты просто пи-

ши пока что-нибудь, а потом перепишешь своим почерком. Восхищение в глазах моей возлюбленной было лучшей наградой.

– А ты сам-то успеешь?

– Не волнуйся, я очень быстро пишу! – ответил я голосом Черного Плаща, отправляющегося спасти жителей Сен-Канара от очередной смертельной угрозы, и взялся за дело.

Пьер Безухов и Андрей Болконский, раскрывая свои сложные патриотические характеры, послушно укладывались ровными рядами строк, пересыпанных цитатами, и спустя час, я незаметно подсунул готовое сочинение благодарной соседке по парте.

– Спасибо! – прошептала она, коснувшись моей руки.

– Пожалуйста, – улыбнулся я ей улыбкой, в которую постарался вложить максимум очарования. Однако упиваться моментом времени не было. У меня оставался ровно час для того, чтобы блеснуть письменными мыслями по поводу творчества Грибоедова.

Ровным почерком я списал с доски шапку для сочинения со своими данными, и принялся за Чацкого и К.

– Сразу начисто пишешь? – уважительно протянула моя любовь. Я почувствовал, как мой рейтинг подрост ещё немного.

– Да, нормально, я редко делаю ошибки, – скромно махнув чёлкой, я принялся строчить уже второе вступительное сочинение.

Результаты, как нам сказали, собирались вывесить в пять часов вечера. В моём распоряжении был почти весь день, чудесная летняя погода, красивый курортный город и самое прекрасное создание на земле. Окрылённый недавним успехом, я решил действовать.

– Может, пойдем, погуляем пока, погода хорошая.

Девушка кокетливо улыбнулась, склонила голову набок и долго смотрела на меня. – Ладно, давай, – наконец, решилась она. – А куда пойдем? Кстати меня Юля зовут

– Паша, – запоздало представился я.

Я понятия не имел, куда можно повести гулять девушку в чужом городе, но это не могло остановить меня.

– Да тут много красивых мест, я тебе покажу.

Гулять с Юлей было легко и приятно, оказалось, что она сама из Пятигорска и, естественно, знает город гораздо лучше меня, над чем мы весело посмеялись. Шесть часов пролетели незаметно, мы бродили по парку, ели мороженое и катались на каруселях. Посетили место дуэли Лермонтова и Цветник. Я не хотел, чтобы день заканчивался, но пора было возвращаться.

– Ура! – Юля громко радовалась своей четвёрке за моё сочинение.

– Спасибо тебе ещё раз, – прошептала она мне в ухо и поцеловала в щёку. – До встречи в сентябре!

Счастье, как оно есть. Я буквально излучал его, подходя к машине моих родителей, которые приехали забирать меня

в родной негостеприимный Нальчик.

– Пятёрка? – воскликнула мама, увидев мою сияющую улыбку.

– Нет, – ответил я, и моя улыбка стала ещё шире. – Четвёрка!

Каждую ночь мне снилась Юля. Я думал о ней, просыпаясь утром. Я думал о ней, обедая с электриками на стройке, сидя за бутылкой вина вечером в сарае с пацанами, и, конечно же, засыпая, я мечтал о том, как встречу её снова в сентябре. Ожидание было томительным и сладким.

И вот настал день посвящения в студенты, ещё в толпе я увидел Юлю и махнул ей, но она была окружена подругами и не заметила меня. Места вокруг них в зале были заняты, и я решил подойти к ней после, сев рядом со своей группой. Кроме меня и ещё одного рыжего парня, мужского пола больше не было, но я не смотрел на симпатичных одноклассниц, постоянно ловя взглядом Её.

После традиционных розыгрышей, шуточных лекций и серьёзных напутствий встреча с абитуриентами закончилась. Юля задержалась, разговаривая со своими преподавателями, и я решил подождать её на улице

И вот, наконец, этот момент! Двери главного здания открылись, и появилась она. Боже, я уже и забыл, как она была прекрасна!

– Привет, Юля! – только и смог я выдавить из себя, охваченный смущением и внезапной робостью.

– Па-аша, привет! А я что-то тебя не видела на встрече. Ты в какую группу попал?

– Я в четвёртую, а ты? – я надеялся, что нам выпало учиться вместе.

– Я в одиннадцатой! Ну ладно, я побежала, меня ждут! Увидимся! – и она, улыбнувшись, порхнула вниз по ступенькам, а я застыл в недоумении и разочаровании.

Около главного корпуса стояла тонированная подержанная, но солидная иномарка, из которой вышел кучерявый крепыш на вид лет на пять постарше меня. Юля подбежала к нему, а он, обняв мою первую любовь, стал целовать её взасос своими мерзкими пухлыми губами.

Я стоял, не в силах поверить своим глазам. Жизнь поплевала на руки, отступила на пару шагов, поудобней ухватила ржавую лопату реальности, и с размаху врезала мне по прыщавой физиономии, вдребезги раскрошив толстые розовые стёкла иллюзий, которые я питал.

Так я впервые понял, что настоящая любовь – это страдание.

Говорят, первое впечатление – самое верное.

* «нафармить» – от английского farm (в значении долго и упорно собирать (например, артефакты и другие трофеи, выпадающие из убиваемых персонажем монстров). Термин пришел из компьютерных РПГ-игр.

Эпизод 7: «В Ленинград на машине!»

Осень 1994-го. Пятигорск. Я – студент первого курса англо-немецкого факультета.

После моего благополучного поступления родители решили поднапрячься и не отдавать сына в общагу, а поселить на съёмной квартире, где ничто не отвлекало бы от учёбы.

На это решение повлиял недавний, не очень благополучный опыт старшего брата, который, поступив в красноярский сельскохозяйственный институт, был безжалостно почти отчислен и впоследствии переведён под надзор семьи обратно в столицу.

Столицу Кабардино-Балкарии, конечно.

В сельхозинститут Диму занесло отсутствие амбиций, а в Сибирь дядя. В школе брат показывал недюжинные результаты на всяких олимпиадах по физике и математике, а дома его можно было видеть только с инструментами. Он постоянно изобретал и изготавливал различные механизмы и приспособления.

Пока я после уроков или вместо уроков ломал антенны с автомобилей, собирал и курил сигаретные бычки, привороживал в продуктовых магазинах и заклеивал «Гермесилом» замочные скважины соседей, брат стопками складировал на-

грады, грамоты и благодарности от школьной общественности.

После школы он шёл напрямик в сарай, или на чердак, где оборудовал собственную комнатку-мастерскую и пилил, сверлил, чертил и вытачивал. Лет в четырнадцать он даже вручную изготовил несколько миниатюрных сварочных аппаратов, которые получили похвалы от кабардинских профессионалов и были впоследствии куплены ими за неплохие деньги.

– Будущий инженер растёт! – вынесли приговор гордые родители. Ну, а так как один из наших дядей занимал пост декана в Красноярском Государственном Университете, то после окончания братом школы приговор, совершенно в традициях советского суда, оформился ссылкой в Сибирь.

– Да, чо ты паришься?! – сказали брату два его новых друга-однокурсника, Руслан из Ванавары и Женька из Канска, разливая по кружкам сибирский самогон. – У тебя же ДЯ-ДЯ-ДЕ-КАН!!

Чем больше было прогуляно пар и лекций, тем сильнее Дима проникался этой идеей.

«Ну, в самом деле! Не подведёт же дядя!», – думал он. А условия для корпения над сопроматом и термехом в общежитии сибирского сельхоз института были, прямо скажем, не идеальные.

«Абитура, вешайтесь – мы вас будем пи**дить!», – встретила брата гостеприимная надпись жизнерадостной красной

краской на сером бетонном боку огромной девятиэтажной общаги. Не «Jedem Das Seine»*, конечно, но по конкретности посылка вполне сравнимо со знаменитым лозунгом с ворот Бухенвальда.

Водка, Сектор Газа, суровые битвы с местными, студентки с химфака, Ace of Base, самогон, суровые битвы со старшекурсниками, спирт «Рояль», сок «Инвайт», другие суровые битвы и не менее суровый протухший кролик, который в качестве кульминации студенческого быта был найден на мусорке, изжарен до угольков и употреблён в качестве закуски.

Всё это наполняло жизнь настолько, что для учёбы места не оставалось.

Зимняя сессия закрылась с мучительным скрипом при полном невмешательстве чиновного родственника. Летняя сессия оказалась уже неприступной для брата и обоих его друзей-сокурсников. Руслан и Женька развели богатых родителей на «занос» преподам, и ушли в «академ». Дима же, как настоящий опальный гусар, сменил сибирскую ссылку на кавказскую и вернулся домой. Теперь он был студентом мехфака КБГУ.

Кабардино-Балкарский Государственный Университет или «Как Будто Где-то Учился» (как его более точно именовали студенты) был богат на криминал и национализм, и в сравнении с этим суровый сибирский климат казался уже не таким суровым.

– Грёбанный дядя, – сказал брат, поднимая стакан за при-

езд в нашей старой доброй сарайной штаб-квартире. – Подвёл, гад!

Родители были в лёгком шоке, от того, какое пагубное влияние оказала общага на считавшегося до этого примерным братом. Уроки из этой ошибки были извлечены, и за день до начала моего обучения в ПГПИИЯ (Пятигорский Государственный Педагогический Институт Иностранных Языков любовно расшифровывался студентами как «Помоги, Господи, Придурку Изучить Иностранные Языки»), семейная ржавая «копейка» понеслась в Пятигорск на поиски съемной комнаты в квартире с хозяйкой.

Дело было решено молниеносно. По первому же объявлению бабка, хозяйка миниатюрной «трёшки», заставленной мебелью тридцатых годов, просто окунула нас в елейное гостеприимство.

– Да он тут как родной же у меня будет! Я ему и блинчиков спеку, и супчик сварю! Ну, а как без жиденского-то?

Мне была продемонстрирована моя комната и гостиная. Третья комната была закрыта.

– Там у меня дед, он глухой, и не ходит почти. Да вы его и не увидите, – заверила бабка.

Нас слегка удивила цена ниже рыночной для такого хорошего варианта, но бабкино радушие успокоило подозрения. Как оказалось, зря. По количеству ужасных тайн гостеприимная «трёшка» могла посоревноваться с графскими замками из романов мисс Бронте.

Родители уехали, а я стал распаковываться под какой-то шум из закрытой комнаты.

– Дед телевизор смотрит, я скажу, чтоб тише сделал, – подозрительно засуетилась бабка. Судя по характеру звуков, дед был хардкорным фанатом фильмов в жанре «трэш» и «хоррор». Я только пожал плечами в знак того, что мне, собственно, пофиг, и отправился на вечернее знакомство с городом, в котором мне предстояло прожить следующие пять лет.

Напялив на свою костлявую фигуру белые льняные брюки, белые теннисные туфли и зелёную шелковую рубашку, я пошагал в ближайший «Гастроном» и приобрёл пачку импортных сигарет «Магна», штопор и бутылку сладкого кубанского вина.

До вечера я бродил по кривым живописным улицам и паркам курортного городка, покуривая сигареты и прикладываясь к вину. Мне здесь нравилось. Ярко одетые улыбчивые обитатели, стайки курортников, многочисленные фонтаны, цветники, величественные горные пейзажи Машука и Бештау вдали и трамваи, которые я раньше видел только в кино – все настраивало на романтический лад.

Я чувствовал себя, как солдат, попавший с фронта в глубокий тыл на лечение. В городе, из которого я прибыл, воздух был насыщен тревогой, опасностью и унылой безнадегой, здесь в воздухе был разлит праздник. Там я родился и прожил всю жизнь и, все равно, чувствовал себя чужим,

непрощенным гостем, здесь с первых шагов я понял – наконец-то я дома.

На следующий день начались занятия, и дни потекли своим чередом. Бабушка варила на кухне какие-то дурнопахнущие ужины, дед смотрел фильмы ужасов за плотно закрытой дверью, лишь однажды слегка смутив меня, резво выбежав из своей комнаты с каким-то тазиком («он почти не ходит»), а я приходил с пар, водружал на голову наушники подключенные к китайскому двухкассетнику фирмы «Sanuo» и делал задания под виртуозные записи моих любимых «W.A.S.P» и «Halloween».

Однажды я засиделся за «домашкой» до глубокой ночи. За окном лил холодный дождь и зловеще завывал промозглый ветер. В свете жёлтой лампы я старательно выводил английские слова под отбойные молотки сатанинских трешеров, и вдруг почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит. В следующее мгновение на лист рабочей тетради передо мной упала капля мутной желтоватой слюны.

В ужасе я обернулся и завопил, вскакивая с места и сдирая с головы наушники. В метре от меня стояло чудовище. Выглядело оно одинаково мерзко и пугающе. Огромная ассиметричная голова похожая на деформированную тыкву с редкими волосинками, маленькие, налитые кровью глазки и вдавленный в череп огрызок вместо носа. Меж редких кривых жёлтых клыков обильно струилась слюна, поблескивая струйками на подбородке. Человекообразный монстр, види-

мо, также был напуган моим воплем и резкими движениями – он пришёл в смятение и, хаотично замахав передними рудиментарными отростками, понёсся из комнаты с отвратительным уханьем, в котором я узнал звуки из дедовых «фильмов».

Схватив учебник профессора Аракина «Практикум английского языка для студентов 1-го курса» (первое, что мне попало под руку), я на цыпочках направился в зал, куда выскочило чудовище, готовый в любой момент нанести разящий удар лингвистическим фолиантом.

Осторожно выглянув за дверь, я увидел уродца, забившегося на кресло в противоположном углу комнаты. При ближайшем рассмотрении я заметил, что задние лапы его были одеты в трико-алкоголички и пушистые домашние тапочки, а жирненькое тельце покрывало подобие старой застиранной майки неопределенного цвета.

– Уууу!!! – грозно промышал я, замахнувшись трудом известного профессора. Возмутитель спокойствия только вздрогнул и ещё сильнее вжался в кресло. Теперь, когда первый шок от встречи с неизвестным прошёл, я понял, что «оно» само побаивается меня.

Секретом брехливой хозяйки оказался 24-летний сын-даун. Вечером они его скрывали в комнате, но по ночам легкомысленное создание утекало в гостиную и, пользуясь абсолютно мертвецким сном деда с бабкой, закатывало концерты.

Обычным сценарием был «телефонный звонок о поездке в Ленинград». Витюша, так его звали, садился часа в три ночи около телефона, брал трубку и орал в неё визгливым противным голосом: «Алё! Кто звонит? Не звоните сюда! Куда поедем? В Ленинград? На машине?! Хорошо!».

Обычно произнесение этого монолога переполняло его чувствами. Он бросал трубку и издавал вопль раненного буйвола.

Вот так: «Ыыыыыыыыыыыыыы!!!!!!!».

Потом начинал прыгать по дивану и вопить, как стая африканских обезьян: «Поедем в Ленинград! Ыыыыыыыыыы!!! На машине!! Ыыыыыыыы!!!».

Иногда он, как попугай, вкраплял в свою обычную «телефугу» про поездку в Ленинград на машине обрывки фраз, которые где-то слышал. Звучало это так: «Аллэ? Кто это? Кто там ругается?!!!! ЫЫЫыыыыыыыыыыыыыыы!!! Нельзя ругаться! НЕЛЬЗЯ, Я СКАЗАЛА! Поедем в Ленинград на машине!! Ыыыыыы!!!».

Надо ли говорить, что эти ночные представления не давали мне спать и ужасно действовали на нервы.

Когда перфоманс Витюши достигал апогея, и он начинал колотить трубкой по телефонному аппарату и сбиваться на протяжный вой, обычно я уже терял терпение, вылетал из комнаты и хлопал его газетой по огромному «чайнику» с воплем: «Да заткнешься ты когда-нибудь, дубина?».

Испуганный даун забивался в угол дивана и замолкал,

хлопая глупыми глазками. Трясущийся от злости и очередного недосыпа я возвращался в кровать.

Ещё минут пять после наказания возмутитель спокойствия сидел молча, потом тишину нарушал его осторожный шопот: «На машине в Ленинград поедем... Да... Я хорошо себя вел. Поеду на машине».

Потом раздавалось приглушенное «ыыыы...". Ещё минут через пять начиналось осторожное бряканье телефоном.

– Аллэ? – громким шопотом возвещал любитель машин и ленинградов. – Я вам сколько раз говорила нельзя ругаться! А? Сколько раз? Куда поедем? В Ленинград? На машине? НА МАШИНЕ!!! ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ!!!

Неудивительно, что, не выдержав больше двух месяцев недосыпа и поездок «в Ленинград», я свалил на квартиру к двум карачаевским однокурсникам, Ямалу и Мураду. Они были неплохими парнями. Напутствованные суровыми сельскими отцами, они отличались своей тягой к знаниям – оба с отличием окончили школу, и, по крайней мере, первые курсы посещали все лекции и семинары, усердно делая задания.

Наш культурный обмен состоял в том, что я научил их бухать водку и посадил на Наутилус Помпилиус и Курта Воннегута, а они меня играть на акустической гитаре блатные песни хитрым национальным боем «восьмёрочкой». Последний раз, когда я о них слышал, они были объявлены в розыск по подозрению в ряде уголовных преступлений. Как говорится, мы выбираем дороги, а дороги выбирают нас.

Прожив с ними около трёх месяцев, я, наконец, переехал в общагу. Там всегда бурлило веселье, тусила компания институтских КВНщиков (из которой впоследствии вышла знаменитая пятигорская команда КВН) были гитары, целый цветник симпатичных студенток и дискотеки под «Из ноубадиз бизнес зэт ай ду!».

Я зачастил в гости, каждый раз, не забывая прихватить пакет с выпивкой и закуской, и был признан отличным парнем. Через некоторое время мне поступило предложение переехать в блок к моим новым друзьям, где я и стал подпольно и весело проживать без ведома «каменды».

Так получилось, что в одной комнате набилось четыре человека – зануда и эрудит Славик; сын командира военной эскадрильи и героя чеченской войны из Буденновска – Толик; комичный армянин, беженец из Грозного – Арменак, который отличался безобидным характером, большим носом и неисправимым оптимизмом и я, которого вы уже знаете.

Это были весёлые деньки, всей четверкой мы играли в футбол, ходили в гости к девчонкам, делили поровну и солидные запасы армейской тушенки Толика, и нищенские, редкие посылки с армянскими лавашами и сыром Арменака и домашние засолы моей мамы.

Все в комнате кроме положительного Толика курили, поэтому дым висел столбом, не рассеиваясь больше, чем на пять минут. Постепенно нами овладел общий настрой безделья и праздности. Я забил на лекции и пары и вплотную

заялся изучением аккордов на гитаре, Арменак весь день слушал свою любимую Сандру лежа на кровати в наушниках и изредка фальшиво подпевал «ай, на-нуни... Мария-Магдалина!» гнусавым тонким голоском, Славик без остановки курил и читал фантастические романы. Положительный Толик, недолго думая, положил на учёбу и пропадал в общаге французского факультета, выкидывая все родительские субсидии на тщетные ухлестывания за тамошними второкурсницами.

По вечерам с разными вариантами и участниками в нашем блоке реализовывался примерно один и тот же сценарий.

– Весь мир гавно, все бабы – суки и солнце долбаный фонарь! Молодые люди, как насчёт того, чтобы выпить водки?! – вваливался в блок слегка поддатый Толик, опять вернувшийся от «француженок» без любовных успехов, но с позвякивающим пакетом.

– Участвую! – провозглашал я, с грустью вспоминая мою недостижимую и прекрасную любовь Юлю.

– Не вижу причины, не усугубить энтропию мозга, – довольно хихикая, потирал руки Славик. – Я готов пожарить картошечку и ещё у меня где-то была квашеная капуста...

– Я как все-е! – хитро улыбался Арменак. – Только у меня ничего нет.

Год пролетел за одну секунду. Батарея пустых бутылок в коридоре росла. Я по своему обыкновению подцеплять но-

вые болезни, обзавелся хроническим бронхитом из-за постоянного дыма в комнате. Остальные тоже перенесли по паре задорных пневмоний, но в целом мы держались молодцами, пока не пришла летняя сессия.

Забивали на лекции мы сообща, но расплата каждому была уготовлена своя. Арменаку в виде исключения и уважения к его статусу беженца разрешили уйти в академ. Толик остался повторять непройденное на первом курсе, подключив авторитет заслуг героя отца, Славик загредел на осеннюю пересдачу, я же, благодаря школьным занятиям у репетиторов, сдал все на отлично, получил повышенную стипендию и предостережение о том, что на втором курсе моя легкомысленность может закончиться гораздо печальнее.

– Пашка, молодец, а мы раздолбаи все! – резюмировал Толик.

Наступила пора летних каникул, и как же не хотелось нам всем расставаться и разъезжаться по домам. За этот год каждый из нас нашёл настоящих друзей.

Обнявшись по очереди с «сожителями», я сел на заднее сиденье отцовской «копейки» и покатил в родной-неродной Нальчик. В сердце моём оставался маленький цветущий курортный город, а в рюкзаке с грязным бельём литровая бутылка водки «Smirnoff» и бутылка ликера «Amaretto» – подарки для Димы и Юрчика. Я знал, что они с нетерпением ожидают моего возвращения, и мысль об этом немного примиряла меня с отъездом из Пятигорска, который на всю

оставшуюся жизнь стал для меня единственным по настоящему родным городом.

*«Jedem Das Seine» «Каждому своё» (нем.) – знаменитая надпись на воротах концлагеря Бухенвальд.

Эпизод 8: Эскадрон гусар летучих

Наступил конец августа 1995-го года. Дочерна загорелый, груженный сумками со снедью и премированный дополнительной суммой за свой рабочий вклад в семейный бюджет, я высыпался из Икаруса на залитый солнцем пятигорский автовокзал.

Ноги сами ускорялись при мысли о скорой встрече с друзьями.

– В общагу «педа»! – в дополнительных объяснениях лихой армянский таксист не нуждался, и мы понеслись.

Снедаемый нетерпением я вырвался из дома на неделю раньше. Отец считал, что я ещё не достиг достаточной виртуозности в сшибании старой штукатурки с кирпичных стен, но у меня было другое мнение.

– Нам же нужно подготовиться к занятиям! Там в комнате ремонт нужно делать! – я почти не врал – за год пятеро неотягощенных интеллектом молодых людей превратили помещение в нечто пугающее.

В своё время мы поклеили там фотообои, которые кто-то выкинул в коридор. На них были изображены все герои диснеевских мультиков на пикнике. Надо ли полагать, что за год фломастеры незатейливых художников-натуралистов превратили безобидную картинку в какую-то безумную зоооргию. Те редкие участки обоев, которые не были посвя-

щены половым извращениям миккиммаусов и дональддаков, были украшены глубокомысленными изречениями в виде «Остановите Землю я сойду!» и «13.12 – экзамен по фанетике! Не забыть!»

Жить в этом блоке мы собирались с моим новым другом Мишей. Ещё на вступительных экзаменах я заметил двух парней, которые выделялись «неформальностью» своей внешности даже на фоне остальной, довольно пёстрой толпы абитуриентов.

Один из них (позже я узнал, что его зовут Денис) был широкоплеч и голубоглаз. В чертах его было что-то от римских патрициев. Миша был худощав и жилист. Оба были длинноволосы.

«Творческие личности!» – с уважением подумал я.

«Гопник», – подумали творческие личности, окинув взглядом мою короткую стрижку и спортивный костюм, но вслух ничего не сказали.

С Мишей мы молниеносно сдружились на почве общих интересов. Случайно он прочитал у меня в блокноте стихи:

Ночь тиха и нежна в серебристой фате.
Звёздным бисером тёмное небо расшито.
Жёлтый месяц лягушкой плывёт по воде,
И река, словно золотом жидким облита.
В эту тихую ночь мне уже не уснуть.
Ветер будет шептать так легко и зовуще.
Он мой сон украдёт, и стеснят мою грудь

Сожаленья о прошлом, мечты о грядущем.

Несмотря на то, что стихи были весьма посредственными, Миша зафанател и изъявил желание почитать ещё что-нибудь этого автора. Когда я скромно сообщил, что автором являюсь я, восхищению Миши не было предела.

В свою очередь, Миша, как оказалось, сам пробовал писать стихи, но не очень успешно, зато был музыкально образован и отлично играл на фортепьяно и на гитаре.

– Музыкалку по «фоно» закончил, – пояснил он, и здесь уже настала моя очередь снимать шляпу.

Когда мы выяснили, что оба увлекаемся качалкой (с единственным различием, что на Мишином теле это увлечение действительно как-то отражалось), то решение жить вместе возникло само собой. Толик, Славик и Арменак тоже разъехались по разным блокам.

Мишин папа помог нам с ремонтом и клейкой обоев, а мои родители привезли на машине посуду, одеяла и другую утварь.

Они помогли занести привезённое в блок, и с подозрением уставились на составленные вместе кровати («нам будет нужен сексодромчик», говорил Миша, сбивая кровати гвоздями), потом на тихого и вежливого Мишу с его мягкими чертами лица и рассыпанными по плечам волосами. После этого я имел неприятный разговор, в котором я с негодованием и возмущением отмёл подозрения в нетрадиционных

наклонностях.

– Ну, не обижайся, сынок. Просто мы хотели понять, за чем у вас так кровати стоят, – оправдывалась мама.

На этот вопрос ничего вразумительного я ответить не мог, а версия про сексодром, тоже мне не показалась приличным объяснением, поэтому я хлопнул дверью машины и в гневе ушёл, не попрощавшись.

Новоселье было важной вечеринкой, и мы планировали провести его с королевским размахом! Это подразумевало наличие качественной выпивки и качественных женщин. В вопросах выпивки я был признанным экспертом, поэтому в компании Толика и зануды-Славика в роли носильщиков я отправился обналачивать бюджет в пятигорский «Универсам».

Миша и приглашенный, по такому случаю, Денис взяли на себя трудную задачу – обеспечение женского контингента.

– Пол, да зачем нам бабы, с ними не попьёшь нормально, – заартачился было Денис.

– Бабы не помешают! – посуровел Толик. Он недолюбливал Дениса.

– Девушки – не проблема, главное места надо знать! Оставьте это мне, – успокоил всех Миша. – Только не берите опять одну водку, купите вина сладкого мне и девушкам. А то знаю я вас! (Иногда, конечно, мне было трудно винить окружающих за сомнения в Мишиной ориентации).

По случаю удачного приобретения девяти бутылок водки (по полтора «пузыря» на каждого!), и двух бутылок вина (блин, да всё равно потом водку все пить станут!) я, Славик и Толик решили пропустить по бокалу разливного Жигулевского, ибо праздник всё не начинался, а праздничное настроение, оно было уже – вот оно! Вобла была отменной, а пиво не таким уж и бодрянным, и мы решили пропустить ещё по паре кружек. Как-то незаметно из пакетов была извлечена бутылка водки «на пробу». После пятой кружки пива за окном начало темнеть, и мы решили, что пора бежать новоселяться в женской компании.

– Промедление смерти хуже самой смерти подобно! – туманно изрёк Славик. Мы махнули по «стременной» и двинули в общагу.

Обратная дорога почему-то оказалась несколько длиннее. Толик пришёл в приподнятое настроение. Ослепительно улыбаясь и дыша перегаром, он называл встречающихся девушек «мадемуазель» и спрашивал про «сову». Не все девушки знали, что «Сава?» означало по-французски «Как ваши дела?» и шарахались, не взирая на ослепительную улыбку «француза». Я радовался, что Толик хотя бы не блистает своими обычными шутками, про «охоту на сов» (шасу эбу) и про «восемь сов» (уи эбу) и от радости громко пел.

В этот период мне особенно близко было творчество группы Nirvana, поэтому я вопил Литиум и Пеннироял Ти. Недостаток слуха я компенсировал, как мне казалось, отлич-

ным произношением. Подойдя на проходную, мы оцепенели лицами, и, не дыша, прошмыгнули мимо вахтёрши, пытаясь не «звякать картошкой».

В блоке было странно тихо и лишь, негромко брэнчала гитара. Миша проникновенно гнусавил своим лирическим баритоном песню про «Солнышко лесное».

Мы открыли дверь, и замерли, слегка ошарашенные.

Весь стол был заставлен тарелками с печеньями, сыром, конфетками и виноградом и украшен зажженными свечами. Из спиртного на столе красовалась одна (!) ополовиненная (!!)-бутылка полусладкого. Но главное – везде сидели девушки. За столом, на кровати, на принесённых дополнительных стульях.

Второе обстоятельство, которое бросилось нам в глаза, это то, что все девушки были непривлекательны разной степенью непривлекательности. Грубо говоря, Миша откуда – то притащил целую роту «чамб». (В свое время брат рассказывал мне что, что так в Сибири называют некрасивых девушек). И теперь они с затаённым дыханием и горящими глазами внимали Мишиному томному перебиранию струн.

Ближе всего, видимо по праву главной жены, получившей доступ к телу, сидела предводительница гарема. Выражаясь политкорректно, она была наиболее альтернативно одарена красотой. И хотя ноги её были слегка кривоваты, а талию она на вечеринку не захватила, её спасали роскошные густые брови и большой породистый нос, выдававший в ней

благородную кровь кавказских горцев. Маленькой лапкой она одобрительно поглаживала Мишину мускулистую ногу, и в первое мгновение я бы даже затруднился сказать, что из этого было более волосатым.

В дальнем углу нашего «сексодрома» валялся скучающий Дэн, который, по всей видимости, клонился ко сну.

Увидев нас с радостными воплями «Пол! Водка!» он вскочил на ноги, но тут же был ошканен недовольными «чамбами». Миша был не рад, что мы помешали его звёздному перфомансу, но деваться ему было некуда. Похрюкивающий от удовольствия Дэн с шумом и звоном извлекал из пакетов булькающую тару.

Наше появление вызвало в рядах «чамб» некоторый раскол. Ярые фанатки «культурного» времяпрепровождения со свечами и романсами предлагали Мише перенести смакование крекеров и поэзии к ним в блок. Другая половина была заинтересована появлением свободных мальчиков. Этому способствовало то, что вокруг у них уже вертелся мелким бесом подпитый Славик, высокопарно именуя себя «Владиславом». Бравый, как прапорщик, Анатолий тем временем, похотливо ослабившись, всучивал толстушкам пластиковые стаканчики налитые водкой с «горкой». При всей своей видной внешности Толик и Денис почему-то зачастую не отличались привередливостью в вопросах женской внешности.

Как, основной культмассовик, я толкнул коронный тост «за любовь», и новоселье разгорелось по-настоящему.

Через пару стопок гитара была экспроприрована мною у Миши, и я выдал «Звезду по имени Солнце» и «Всё идёт по плану», позорно заменяя «баррэ» «левым» аккордом. Обладающий тонким слухом Миша кривился, но Толику и Дэну нравилось. Они ревели и топали ногами в знак поддержки.

Стайка некрасивых ботаничек стремительно редела. Взвинтив темп с самого начала, мужская половина компании постепенно сводила мероприятие к «гусарской» пьянке.

После пятой бутылки единственным существом женского пола на нашем празднике оказалась упитанная горянка. Она неодобрительно похлахла глазами из под густых бровей и тянула «Мишеньку» «пить чай». Это был тактический прокол с её стороны. Предложи она Мише есть борщ, или жевать котлеты, или просто навернуть кусок колбасы с сыром, и наш гусарский коллектив мгновенно бы лишился самого музыкального товарища. Миша любил пожрать. Но чай и конфеты – это было, прямо скажем, на троечку соблазнение, даже по Мишиным меркам.

– Вино всё? Аааа.. Наливай водки! – обреченно махнул Миша мне и затянул про «Не спеши ты нас хоронить

– У наа-а-ас дома детей мал-мала-а-а-а!!! – рякнуло пять здоровых глоток. Стаканы были сдвинуты и опустошены.

– Даа и просто хотелось ПОПИ-И-ИТЬ!!! – высоко залился Миша, молниеносно, метнув за бородку порцию «Пятигорской», в промежутке между перестановкой аккордов.

«Предводительница гарема» недовольно поднялась и,

неискренне улыбнувшись Мише на прощанье, покинула наше укрепление.

Первая атака на наши редуты была отбита успешно.

Эпизод 9: «Ай дон'т спик рашн!»

«Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд»

Екклесиаст 11:9

Четвёртая группа факультета английского и немецкого языков, в которую я попал, состояла практически из одних девушек. Единственным представителем мужского пола, кроме меня был Андрей.

Худой, очень высокий и явно старше других сокурсников в любое время года он был одет по последней гранжевой моде в узкие потёртые чёрные джинсы, большие черные ботинки и красную рубашку в крупную черную клетку.

Светлые, почти белые волосы и кожа с красноватым оттенком делала его похожим на альбиноса, а неизменные тёмные очки на Ивана Демидова, который в те далёкие времена вёл забытую уже передачу «МузОбоз».

Памятуя о своём плохом зрении, я поспешил занять первую парту, Андрей присоединился ко мне, выложив из рюкзака на парту целую кучу кассет с неизвестными названиями исполнителей. Dead Can Dance, Nick Cave, The Doors, Einsturzende Neubauten и Tom Waits – всего этого я никогда

не слышал и был заинтригован.

– Что за музыка? – спросил я.

– Это? Да так, переписать взял у девочки знакомой с испанского факультета, – Андрей был из местных и знал почти всех студентов от первого до пятого курса.

Я выразил желание обзавестись копией интересной музыки, отчасти действительно из любопытства, отчасти в поисках единомышленников. Я жаждал общаться с другими меломанами, обмениваться кассетами, обсуждать альбомы и новейшие направления в современной музыке. По причинам культурной ограниченности кругов, в которых я вращался в Нальчике, ранее я был лишён такой возможности, и теперь изо всех сил стремился восполнить пробел.

Несмотря на отстранённый и слегка высокомерный вид, Андрей оказался простым в общении и дружелюбным парнем, и с энтузиазмом взялся за моё культурное, или лучше сказать субкультурное образование. После того, как я с трудом осилил The Doors и Nick Cave, но остался глух к Dead Can Dance и Саморазрушающимся Новостройкам (Einsturzende Neubauten), Андрей познакомил меня с творчеством групп Калинов Мост и Гражданская Оборона.

Музыкально несложные и поэтически продвинутые песни этих команд сразу понравились мне и пополнили наш с Мишей гитарный репертуар. Многим студенткам из общаги пришлось потом с округлёнными глазами выслушивать на пьянках про то, как «...смехом свеченый, брызги звал из-

вечь в день чужих затей. В скалах выгранил плески плеч твоих, чуб крылом задел...»

– Паша, Миша, а сыграйте, пожалуйста, «Королеву снежную» или «Здесь лапы у елей дрожат на ветру», – просили девчонки. Они хотели романтики, красивых ухаживаний, походов в рестораны и, в идеале, подарков из ювелирного магазина. Мы могли предложить им странные песни под гитару, танцы под похрипывающий китайский магнитофон и водку с легендарным «Инвайтом». И, что удивительно, этого тоже вполне хватало.

Киту Ричардсу из Роллинг Стоунз приписывают фразу про то, что «Если кто, то из гитаристов вам скажет, что он взялся за гитару не для того, чтобы нравиться девушкам, можете смело плюнуть ему в лицо». Не знаю, что именно послужило стимулом в моём случае, но я влюбился в этот инструмент с той самой секунды, как только услышал ужасно фальшивое дворовое исполнение песни про «вот идёт караван, по зыбучим пескам...» на фатально расстроенной гитаре.

Бытует мнение, что судьба человека predetermined ещё до его рождения, но мне кажется, что, если бы не моя тяга к гитаре, жизнь могла сложиться иначе. Как говаривал Курт Воннегут: «Если вы всерьёз хотите разочаровать родителей, а к гомосексуализму душа не лежит – идите в искусство».

Весь первый год учебы Миша натаскивал меня основам

гитарных премудростей, и второй курс я уже встретил во всеоружии.

Гитара открыла доступ на все лучшие вечеринки общаги и резко повысила интерес к моей персоне со стороны женского пола. Однако дальше дружеского общения никакого продвижения не было, и это удручало.

Постепенно сложилась постоянная компания, проводившая вместе почти все вечера.

Трое парней: я, Толик (после расселения по разным блокам наша дружба только окрепла) и первокурсник Рома. Обычно, к первокурсникам мы относились свысока, однако, Рома был соседом Толика, который теперь опять стал первокурсником, оставшись на второй год, и поэтому, если мы устраивали вечеринку у Толика, не пригласить Рому было никак нельзя. К тому же он был весёлым парнем с лёгким, беззлобным характером. Худой и угловатый, с лицом, немного напоминающим мультипликационного лягушонка, он беспрестанно шутил и юморил. Шутил он не столько над окружающими, сколько над самим собой, и поэтому тут же сделался всеобщим любимцем.

Женской половиной нашей дружной компании были три наши однокурсницы: Света, Юля и Наташа.

Света признавалась нами самой симпатичной, но подруги её были тоже вполне привлекательны. По поводу нашей популярности у девушек мнения расходились.

– Уклунки, вы себя в зеркало видели? – задавал Толик ри-

торический вопрос, явно намекая на превосходство в смысле внешней красоты.

– Ага, но что-то меня они в гости почаще зовут, – бравировал я музыкальной востребованностью.

– А я... а я... а я просто рад, за вашу личную жизнь, парни! А теперь, если ни у кого из достопочтенных Дон Жуанов сегодняшний вечер не занят эротическим свиданием с прекрасной леди, предлагаю пойти за водкой и нажраться, как настоящие комбайнёры.

– Скотина, ты Рома, – отвечали мы. Человек Рома был сельский и, конечно, порой мог ляпнуть бестактность. – Пошли...

Полгода до зимней сессии второго курса я проходил счастливым обладателем повышенной стипендии. Вместе с деньгами родителей выходило неплохо.

Учеба не напрягала меня, я платил ей взаимностью. Весь первый курс мы с Андрюхой прогуливали пары и лекции, но сессию сдали на отлично. Очевидно, что корпеть над учебниками было уделом серой массы, а интеллектуальную элиту ждало познание окружающего социума.

Куча свободного времени, никаких обязательств и немного денег в кармане, что ещё нужно молодому человеку, чтобы почувствовать себя на вершине мира!

Казалось, жизнь и так была сладка, как ферганская дыня, но в середине октября родной ВУЗ подкинул приятный сюрприз. Юбилей ПГПИИЯ выпал на 1995-год. В связи с этим,

всем, получающим стипендию, выдали её в тройном юбилейном размере!

Ещё на первом месяце обучения Андрюха был избран старостой группы за свои солидные залысины и раскатистый бас, и теперь, пользуясь его правом как старосты получать стипендию за всю группу, мы вдвоем поспешили за купюрами в студенческую кассу, дабы конвертировать дары небес в непритязательное локальное счастье. Осенний день радовал тёплой курортной погодой и охапками медно-красных листьев, и звал отправиться в путь, поэтому мысли о посещении пар в таких условиях у нас даже не возникало.

– В «Галс»! Познакомлю тебя с тусовкой, – предложил Андрей.

Я, конечно, согласился. Давно предвкушал встречу с людьми из настоящей богемы – художниками, музыкантами и просто непризнанными гениями без определённой формы самовыражения, вроде Андрюхи.

По дороге мы остановились в кафе, чтобы выпить по чашке водки за юбилей родного института, точнее, за праздник тройной стипендии.

Пара водок превратилась в длинную череду. Всё потому, что с Андреем всегда было о чём поговорить. Несмотря на позицию эстетического эскаписта (не путать со скопцом), он мог очень здраво судить о любом жизненном вопросе и ситуации. Человек он был бывалый, и в своё время совершил несколько автостопных поездок сквозь Россию и Ев-

ропу по хиппи-маршруту, хотя и, как все близко знакомые с хиппи, горячо их не любил.

– Никогда не верь хиппи! – Андрей наклонился ко мне, дыша перегаром, сжимая в одной руке стакан с водкой, а в другой вилку со шпротой. После пары стаканов лицо его становилось совсем красным, что вкупе с белёсыми бровями придавало ему совсем уже иноземный, а может быть даже и потусторонний вид. – Они все лентяи, нытики и попрошайки!

– А как же свободная любовь, – робко спросил я, волнуясь за романтический образ «детей лета».

– Брехня! У них там за свободную любовь только страшные девочки всякие, на которых так никто не смотрит, – в голосе Андрея послышалась обида.

– Я так и знал! – мой стакан поднялся в воздух. – За хиппи!

Основательно подкрепившись золотистыми эстонскими шпротами, мы вышли на улицу.

– Э-эх! Погодка отличная! – поддавшись приливу бодрости, Андрей импульсивно всплеснул руками, и шитая-перезашитая тряпица, неопределённого цвета, служившая ему верхней одеждой, с громким треском развалилась на лоскуты.

– Мне нужна куртка, – облек в слова очевидный факт Андрей.

В первом попавшемся одёжном магазине мы наткнулись

на красивые шерстяные ветровки на меху с капюшоном в огромную бело-голубую и бело красную клетку. Изделия элитных китайских мастеров стоили как раз половину повышенной стипендии. Бело-красно-клетчатая куртка Андрея так хорошо на нём смотрелась, что я купил себе бело-синюю, и пара новоиспеченных финских рыбаков с бутылкой земляничного литературного вина (не помню, откуда оно взялось) двинулись вниз по улице, отхлебывая из горлышка, и пугая прохожих громкими репликами о том, что «дуализм Фромма, однако, пожирней экзистенциализма Ясперса».

Объект «Галс» оказался банальной пивной, хоть и располагавшейся в примечательном старинном купеческом особняке, с фундамента до крыши увешанном табличками а-ля «Здесь в годы Гражданской войны была зверски замучена басмачами революционерка Краснофлагова».

Заведение облюбовала пресловутая пятигорская студенческо-богемная тусовка, которую мы и обнаружили смакующей разбавленное пятигорское пиво с сухариками. Богема представляла собой зрелище. Несколько вызывающе одетых девушек с волосами нарядных цветов (парочка из них показалась мне весьма привлекательными), два свободных художника какой-то внешности, и несколько мрачного вида музыкантов. Последних я опознал по косухам и длинным волосам.

Все эти люди знали и, по всей видимости, уважали Андрюху. Девочки сразу полезли к нему целоваться, а парни ра-

душно трясли его руку и предлагали пиво. На мой коротко-стриженный череп представители богемы смотрели с недоверием. Не спасала даже куртка финского рыбака. Но после того как я заказал на стол пару бутылок водки и пару кувшинов пива, недоверие сменилось признанием.

– Ой-вэй! – хотелось крикнуть мне, но я не был уверен в уместности и происхождении лозунга, поэтому только кивал и улыбался.

Через пару-тройку часов обсуждений музыки, живописи и литературы, а также хоровода сменяющихся на столе бутылок, зловещие рокеры начали солидно покачиваться под бодрячок из «Русского Радио», а я обнаружил себя целующимся с милостивой красноволосой девушкой в черной кожаной куртке. Она сидела у меня на коленях и говорила: «Бэйби, смешай мне ещё одного «ерша!».

Остальной вечер остался в памяти отрывками.

Вот Андрюха демонстрирует свою страсть к альпинизму и, раскинув руки, идёт по сколькому от дождя карнизу на высоте восьми этажей.

Вот я демонстрирую боязнь высоты и ползу за ним и красноволосой девушкой по карнизу на четвереньках, стараясь не смотреть вниз и не пролить водку

Вот я танцую с двумя девушками на дискотеке факультета французского языка под песню Танины Тикарам, а какой-то бледный молодой человек пытается выколоть мне глаза нематыми пальцами.

Вот я бросаю молодого человека в пианино, и охрана выкидывает нас на улицу.

Окончание вечера я запомнил отлично. Долго шатаюсь по кривым улочкам ночного Пятигорска, мы с Андрюхой оказались у какого-то увеселительного заведения с неоновой надписью «Кафе-бар «Единорог» над дверью.

– Глоточек виски, сэр? – пафосным жестом я пригласил его внутрь. – Я угощаю

– Нет, – староста группы выставил в небо бледный перст. – Только водка!

С этими словами, распахнув ногой хлипкую дверь, мы провалились в бездонное чрево сомнительного заведения.

В баре было темно и лишь на дансполе несколько ядовитого цвета лучей освещало группу подвыпивших девушек, колыхающихся под рёв техно. Трогательности зрелищу добавляло полнейшее отсутствие мужских тел.

Очарованные увиденным, мы ринулись навстречу музыке, чувствуя себя обязанными продемонстрировать настоящее танцевальное кунг-фу финских рыбаков. Девушки с любопытством образовали круг, уступив место в свете софитов, и польщённые мы принялись дружелюбно отплясывать в меру своей испорченности.

Я не мог насладиться великолепием своего танца со стороны, но точно помню, что Андрюха был неотразим. Представьте себе лысеющего худого альбиноса ростом под два метра, одетого в пушистый клетчатый лапсердак, виртуозно

выделяющего коронные па Майкла Джексона на дансполе полупустой дискотеки. Рядом с ним изгибался и неуправляемо раскидывал конечности по периметру коротко стриженный финский рыбак пониже ростом.

Сюрреализма хореографическому безумию добавляли наши невозмутимо-отрешённые лица с лёгким налётом пьяной дебилности.

Увлёкшись танцем, мы не заметили, как остались на танцполе одни. Девушки, очевидно, не вынесли накала эротизма и упорхнули снимать стресс мохитами в баре

Вместо них на границе света и тьмы зыбко замаячила тёмная фигура. Приземистая и бесформенная она рождала мысли о перворожденном Зле.

Вяло шаркая, первобытное зло пересекло данспол и оформилось в огромного армянского парубка, заросшего чёрным паласом подбородочной щетины.

– А-ха-йиеей! – вдруг взвяхнул детина, подпрыгнул высоко в воздух, и с глухим шлепком плюхнувшись на шпагат, упруго подскочил вновь и мелко затанцевал рядом с нами что-то национальное.

Я изобразил на лице сдержанное восхищение его танцевальными успехами, а «лунные походки» Андрея приобрели некоторую скованность. Пару раз обернувшись вокруг своей оси, подвыпивший армянин остановился, обрушил массивные лапы нам на плечи и прорычал: «Пайдём к нам за стол!»

Андрюха ещё больше остекленел глазами и ответил в духе

ситуации: «Айм сорри, ай донт спик рашн».

– Он щито нэ русский? – удивлённо спросил меня армянин. Я был удивлён не меньше и предательски воззрился на Андрея.

– Ай донт спик рашн, бикоз ай кейм фром Америка. Эндю ар май транзлейтор, – медленно и внятно отчеканил староста нашей группы, глядя мне в зрачки.

– Аааа... Эээ! Окей! Я эта... переводчик... А он эта... финн, типа! То есть это... американец из Финляндии – вот куртки! – туманно объяснил я завсегдатаю «Единорога».

– Ваах! Американец! Пайдэм пусть выпьет с нами! – с этими словами мы были скомканы в охапку и влекомы в тёмный угол, в котором клубился дым, и посверкивало около двадцати сигаретных огоньков. Стало ясно, что девушки были не одни, а с кавалерами, и, по всей видимости, наши танцы с их феминами спровоцировали кровожадные инстинкты племени. Мысленно я приготовился к драматической развязке, но ситуацию спасла свежая находка финно-американца Андрюхи.

– Хухры-мухры, ара ты чо э! Это жи гост из-за рубежа! – остановил эскалацию насилия наш проводник, установив Андрюху перед компанией таких же упитанных соплеменников.

Вид у гостя из-за рубежа был затравленный и диковатый. Всколоченные белёсые волосы, красное лицо и остановившийся взгляд больше приличествовали жертве автомобиль-

ного наезда, чем представителю развитого капитализма. Однако странный вид «американца» только убедил компанию в его неместности.

– Хай! Ай лайк ёр кантри! Водка, матрёшка, пьерьестройка! – отчеканил «американец» и оскалился в леденящей душу улыбке.

– Эээ! Вааааах! Арамэриканэц э! Гаварит, как настоящий, ара, да! – сомнения в происхождении Андрюхи отпали. Дальше новые друзья повели себя не логично, но радушно. Простив нам ухлёстывания за их дамами, они усадили нас за стол и начали потчевать коньяком и закусками.

– Эээ, брат, слишишь, спроси у него, как ему наши девушки? Красиви? ...Э, переводчик, спроси у него, у них водка есть в Амэрике! ... Американец, ти маэго дядя знаэш? Он в Лос-Анжелесе живёт, его все знают, ара, э!

Я старательно переводил все вопросы и ответы. Эндрю держался молодцом, но стремительно терял кондиции и после четырёх-пяти витиеватых тоста в его честь буровил уже что-то несусветное, мешая русский акцент с немецким и один раз довольно внятно брякнув «бл**ть», уронив большой кусок сёмги в винном соусе на джинсы.

Наблюдая эти метаморфозы, я понял, что настал тот самый момент, когда нам пора покидать гостеприимное пристанище.

– Друзья! – я придал голосу официальность. – Мы благодарим вас за радушный приём, но, к сожалению, вынужде-

ны покинуть вас. Завтра Эндрю должен будет участвовать на конференции по развитию международных отношений, поэтому ему надо поспать. Мы будем рады видеть вас на церемониальном банкете в галерее искусств «Цветник», где мы сможем продлить общение. Приглашаем всех!

– Эээ-ыыыы-ик- йес ит из! – мотнул головой Андрей и принялся крениться набок.

Армяне, не переставая ликовать, помогли вытащить Андрюху на свежий воздух, влили в нас ещё по стакану коньяка и усадили в такси, предварительно сунув деньги водиле.

– Э-э, ара, скажи Эндрю, мой дом – его дом! Пусть приезжает гости ваабшэ! – последний кирпич моста международных американо-армянских отношений был заложен, и такси понесло нас навстречу чудесному пятигорскому рассвету.

– Андрюха, поехали лучше к нам в общагу, ты домой сейчас не доедешь, – предложил я.

– Ай лив ин Нью-Йорк и Чикаго мэйби, – услышал я ответ. Не выходя из образа, Андрюха свернулся на заднем сиденье и погрузился в сон.

– Калинина 11, в студгородок! – сообщил я таксисту.

Мягко шурша шинами, такси повлекло нас по пустым улицам. Я открыл окно и подставил лицо утренней прохладе. На пары мы с Андрюхой сегодня опять не попадали.

Эпизод 10: «Подлый Онищенко»

Как обычно в пятницу вечером в общаге слегка подвыпивший я сидел в компании знакомых девушек и пел под гитару.

– Я не буду с неба звёзд срывать... облака на нитках приводить... только буду губы целовать, только буду я тебя люби-и-ить, – последнюю высокую ноту я тянул несколько секунд, продолжая перебирать пальцами струны и медленно обводя глазами собравшихся студенток. Мой взгляд остановился на Свете.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и вдруг по щеке её скользнула слеза, потом ещё одна, Света порывисто вскочила и, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

– Чего это с ней? – удивлённо обратился я к собравшимся.

– Ну, и дурак же ты, Паша, – Наташа, её лучшая подруга, встала и вышла вслед за Светой.

– Да что случилось-то? – я был поражён неожиданным эффектом своего стандартного лирического боевика.

– Да, ладно, не обращай внимания! Сыграй «Она не вышла замуж» лучше! – попросила толстая Марина, разливая вино по пластиковым стаканчикам. Однако после неожиданного инцидента петь расхотелось. Со Светой мы дружили ещё с первого курса, и я чувствовал неловко из-за того, что возможно невольно стал причиной её слез.

Началась наша дружба с моей неудачной попытке подка-

тить с цветами и шампанским. Копна каштановых волос, зелёные глаза, приятная улыбка и женственная фигура Светы сразу произвели на меня приятное впечатление. Однако усилия были тщетны. Девушка деликатно дала понять, что предпочитает видеть меня в роли друга. Повздыхав, я выпил шампанское в одно лицо и смирился.

В общем-то, дружить оказалось тоже неплохо. Я делился рассказами о безуспешных ухаживаниях за другими девушками, регулярно приходил в гости к ней и её соседке Юле на предмет подкормиться чаем с плюшками и изредка оказывал помощь там, где требовалось что-нибудь поднять, доставить, приколотить или починить.

Ну... как «оказывал помощь»... По правде, для починки я обычно приводил с собой Мишу или Толика, так как сам с детства обладал исключительной кривизной рук и полной неспособностью к инженерному мышлению.

В общем, казалось, мы отлично ладили, поэтому я был немного обескуражен сегодняшним инцидентом и отправился выяснить подоплеку. По дороге в блок своего «девушко-друга» я встретил возвращавшуюся Наташу.

– Паша, ты, что, совсем дерево? – начала она с места в карьер.

– Да объясни ты в чем дело! В чем я провинился? – развел я руками, сложив пальцы в сложном жесте растерянности и возмущения.

– Блин, ну вы мужики-и-и... Девчонка по нему сохнет,

а он не видит! – лицо Наташи выражало искреннее возмущение.

– Э... Кто сохнет? – вид у меня в этот момент был, наверно и вправду глупый.

– Кто, кто. Вахтёрша Ксения Марковна, вот кто! – саркастически сморщилась Наталья. – Светка, конечно!

– Но ведь она... мы же это... друзья, типа, – я не знал, как воспринимать свалившуюся на меня информацию. – А ты это точно знаешь?

– Да она мне все уши уже прожужжала тобой. А-а-а! – Наташа раздраженно махнула рукой. – Разбирайтесь сами, короче...

Подруга моего бывшего «друга» Светы ушла допивать «Медвежью кровь» на пати, а я отправился к Толику и Роме обсудить новые обстоятельства.

– СЕ-Е-ЕКС! – завопил Рома, извиваясь самым пошлым образом. – Ну, и что, что друг! Между друзьями такое случается! Хыхыхы!

– Поздравляю, Пашка, – не совсем искренне произнёс Толик. – Эх, обошёл ты меня. Ну, что ж, иди, пригласи ее, что ли куда-нибудь. И это – с тебя пузырь!

– Да рано ещё, – отреагировал я, глупо улыбаясь до ушей.

Поразмыслив над ситуацией, я решил, что мои изначальные чувства к Свете были вполне однозначные, так что перестроиться не станет проблемой. Вечером я занял у моего вечного кредитора Миши пятнадцать рублей. Расправил

особым образом носки на ногах (чтобы не было видно дырок). Погладил футболку, и, побрызгавшись одеколоном Толика, направился в блок, где проживали Света и Юля. Дверь открыла Юля.

– О, явился! – в глазах её мелькали насмешливые искорки. Судя по всему, в женском лагере ситуация тоже обсуждалась, и мой приход не стал неожиданностью.

Света стояла на балконе и нервно курила, видно было, что она одновременно смущена и рада, что я пришел.

– Привет. Ты извини за истерику там сегодня, – тихо проговорила она.

– Какую истерику? Никакой истерики, – я был само великодушие. – Кстати, на улице отличная погода, я помню, что шампанское и цветы ты не любишь, поэтому предлагаю просто прогуляться.

– Ну почему же? Сейчас я бы не отказалась от бокала шампанского, – улыбнулась Света. – Подождёшь здесь, пока я соберусь? Я быстро!

– Не проблема, – сказал я, в свою очередь улыбаясь и доставая сигарету. Ждать я научился.

* * *

Второй курс был насыщен событиями. Наша дружная компания из трёх друзей и трёх подруг распалась, после того, как я стал встречаться со Светой, а Толик, недолго расстраиваясь, неожиданно закрутил выдающийся по накалу стра-

стей и скоропостижности роман с её соседкой Юлей, смешливой и немного инфантильной брюнеткой с четвертым размером груди.

Произошло это спонтанно. На одной из совместных вечеринок Юля и Толик после изрядного количества выпитого ушли в Толиков блок за сигаретами и не вернулись.

На следующее утро Толик ворвался ко мне, сияя и прыгая от радости. Он светился, как новенький рубль, и жаждал поведать всему свету о своей радости. Выманив меня из тёплой постели обещаниями халявного пива, он принялся пересказывать события прошедшей ночи.

– ...и ещё на столе! – завершил свой рассказ мой влюбленный друг, и глаза его подернулись романтической пеленой. – Кажется это – любовь!

– Я, конечно, за тебя Толик, рад, – дипломатично начал я, взгромоздившись с ногами на парковую скамейку и отхлебывая халявного Миллера. – Но, возможно, рано делать какие-то выводы, по поводу чувств. Ты не допускаешь, что девушка просто выпила и захотела слегка развлечься?

Голос разума бессилён перед гормональной атакой – Толик с жаром отмёл инсинуации. Вечером он вбухал остатки денег в огромный букет роз, бутылку вина и нагрязнул к Юле в гости. После того, как девушка справилась с первым чувством неловкости, она толкнула краткую и доходчивую речь, и Толик незамедлительно был выставлен за дверь, награжденный целомудренным поцелуем в щёчку и предложением

«остаться друзьями».

Что делает русский студент в минуту печали? Правильно! Идёт за водкой! (Хотя, верно будет и то, что он идет туда во все остальные свободные, а иногда и занятые «минуты»).

К нам Толик вернулся чернее тучи, аккуратно уложил вино в холодильник, после чего мы отправились в ларёк за более эффективным болеутоляющим.

Эта жестокая фраза «давай останемся друзьями»! Она стёрла обычную самоуверенную усмешку с губ мужественного красавца Толика и превратила его в щенка лабрадора, выброшенного хозяином за дверь в дождливую погоду. Первые пару часов он молча пил водку стаканами и меланхолично разглядывал нас огромными полными слез глазами, слушая утешительные доводы про то, что:

а) она всё равно нафиг никому не нужна, и на неё кроме Толика никто не посмотрит;

б) всё равно шлюха, и спит со всеми направо и налево; и

в) по крайней мере, у Толика был секс, а Роме уже три раза девушки предлагали остаться другом без малейшего намёка на предварительный интим!

Толик слушал, глотал водку и согласно кивал, как китайский болванчик. После седьмого или восьмого стакана кивание прекратилось, Толик поднял на нас мутные глаза полные боли, и рёв смертельно раненного быка огласил комнату. Наш друг принялся молотить кулаками по столу, вдребезги круша стаканы. Осколки глубоко входили в руки влюблен-

ного, но он словно не замечал этого, продолжая вопить и молотить по каше из осколков стекла, фаянса и ошмётков закуски.

Осыпанные брызгами стекла и крови в первые пару секунд мы с Ромой оцепенели и временно утратили способность действовать.

Ещё через мгновение обезумевший Анатолий поднялся, воздевая к потолку окровавленные длани, развернулся и попытался выйти в открытый космос на высоте третьего этажа прямо через оконное стекло. Нашему с Ромой прыжку позавидовали бы лучшие футбольные вратари мира. Перехватив жертву безответной любви в воздухе, мы обрушились на неё сверху, припечатав к полу и дополнив душевные страдания легким сотрясением мозга. Сверху нас красиво осыпал дождь осколков оконного стекла, которое неудавшийся самоубийца успел задеть, нанеся себе ещё пару глубоких порезов.

Следующее утро незадачливая жертва любви встречала с эпическим похмельем, забинтованными руками, а также шишками и ссадинами на голове.

– Какой же я дурак, – простонал он, оглядывая лужи крови и кучи битой посуды на полу и на столе. – А по голове меня кто вчера приложил?

– Клин клином вышибают, – виновато пробормотали мы, разливая принесённое пиво в два чудом уцелевших бокала.

* * *

В это время дела в институте шли не лучшим образом. Зимнюю сессию я закрыл со скрежетом, но некоторые преподаватели не обошлись без пары недружелюбных и даже злобных пророчеств. Не желая раздражать их, весь второй семестр я старался попадаться им на глаза как можно реже, и вместо пар стирал пальцы о гриф гитары.

Мы с Мишей организовали рок-группу и кинули все силы для скорейшего покорения музыкальной сцены.

Моё лидерство в группе не подвергалось, сомнению, как минимум с моей стороны, что было очень логично – у меня был приятный и громкий голос, и в те ноты, в которые я попадал, я попадал исключительно красиво.

Миша придерживался ошибочного мнения, что лидером группы является он, так как он единственный из группы имел музыкальный слух и мог настраивать гитару. Вакансию барабанщика через некоторое время заполнил Славик, который был так очевидно не музыкален, что сразу согласился быть барабанщиком.

Барабанов, правда, у нас не было, и первое время во время репетиций ему приходилось держать ритм ложкой по обложкам учебников и банке из-под тушенки. Во второй руке у него была деревянная палка, которой он изредка с оттяжкой бил по разложенным на кровати подушкам. В общем, подошёл креативно.

– Бас-бочка – это основа ритма! – компетентно проком-

ментировал он свой вандализм. Смущенные незнакомым термином мы с Мишей многозначительно переглянулись, оценив правильность выбора.

Первое время репетиции привлекали зевак из соседних блоков, которые не упускали возможность позубоскалить над «барабанной установкой» Славика и творческим процессом в целом

Однако уже через месяц мы записали альбом акустических и инструментальных хитов собственного сочинения и снискали себе признание нескольких фанатов из числа особо непритязательных в музыкальном смысле обитателей общаги. Шесть композиций носили легкий психоделический налет и были похожи ни на что.

После выпуска этого магнитоальбома значимость нашего вклада в культурное пространство стала очевидна, и мы решили дать команде название. По поводу этого был организован брейнсторминг с непременными возлияниями.

Повернувшийся на почве дума и дэт-металла Славик выдвигал малопонятные названия на латыни вроде «Морбиус Литера» или «Трайангл Ансёртанти», Миша лоббировал простые и поэтичные названия вроде «Ночь» или «Осенний блюз», мне же хотелось, чтобы группа называлась интересно и оригинально, ну, например, «ПараНоев Ковчег».

– А водка-то у нас кончилась, – прервал застольные дебаты Андрюха. – Я бы сходил, но денег у меня нет. Извиняйте! Я – подлая нищенка!

– Вот оно! – воскликнул я. – «Подлая нищенка»! Чем не название для группы?

– Учитывая то, на чём мы играем, вполне подходит, – хмыкнул Миша.

– Ну, или Цереус Контентиус, может? – робко добавил Славик. Он тоже не любил скидываться, и был не прочь взять на себя роль гонца в ларёк.

Информация о молодой группе неслась по миру, и уже порой достигала наших ушей, в несколько искаженном в виде.

– Отличную группу слышал недавно на кассете у пацанов в третьей общаге! – рассказал мне пьяный третьекурсник на вечеринке каких-то случайных знакомых, – и название прикольное – «Подлый Онищенко»!

Стало очевидно, что пора выходить на новый уровень и осваивать настоящие инструменты.

* * *

«Жизнь – дерьмо, если ты не играешь в рок-группе!» (С)
У. Галлахер

Мы послали беспардонного Славика подружиться с институтским администратором БАЗа (Большого Актового Зала), снабдив его бутылкой водки и наставлениями. К вечеру наш барабанщик вернулся с перегаром, набором интересных историй из жизни музыкантов и разрешением «подлому Онищенко» репетировать на институтских инструментах. С этого момента мы стали реальной силой в музыкальной тусовке

института.

Конкуренцию на пути на местечковый Олимп нам составила группа эстетов с психологического факультета, практикующих исключительно зарубежные песнопения, под предводительством признанного вокалиста и сердцеда Вани. Предметом его гордости были длинные русые волосы, неподражаемой высоты и звучности «козлетон» и умение раскрутить на секс за пять минут любую девушку из числа тех, кто и так мечтал раскрутиться на секс с институтской «звездой». Надо сказать, таких хватало.

Он и его команда не преминули выразить эстетствующее «Фи!» нашему русскороковому репертуару из песен Чайфа, Чижа, Сплина и Калинового Моста.

Однако, в силу цеховой солидарности, в общем и целом, «психи» общались с нами в меру дружелюбно и снисходительно.

Поглядывая на их новенькие блестящие инструменты, кожаные штаны, косухи и уверенные позы, мы чувствовали себя несколько подавленно и скованно. Славик постоянно сбивался с ритма, я то и дело норовил пройтись вокалом «по соседям», а Миша слыша всё это, корчил такие отчаянно-душераздирающие мины, что наш Подлая Нищенка-бэнд выглядел жалко и уныло. К тому же выяснилось, что представляться этим именем нам неловко.

– Парни, а как ваша группа называется, – спросил как-то Ваня, выходящий из репетиционной комнаты в окружении

своих мрачных соратников.

– Да, у нас пока нет постоянного названия... – смущённо промямлил Миша.

– Пока, постоянного названия не придумали... – пробубнил я.

– «Подлая Нищенка»! Мы называемся «Подлая Нищенка!» Фактически мы этим отражаем бедность нашего технического инструментария, и наш статус аутсайдеров на институтской сцене, хотя мы встречали уже некоторые необычные трактовки нашего названия как, например «Подлый Онищенко»... – радостно теребя очки, принялся объяснять общительный Славик, не замечая наших раздражённых взглядов.

– Подлая Нищенка? – Иван коротко хохотнул, и на лице сопровождающих его рокеров зазмеились ехидные улыбочки. – Отличное название, парни! Вам подходит!

Фыркая и хихикая, они удалились в сторону психологической общаги, а мы с Мишей решили сменить название, как можно скорее.

Особенно актуально это было, учитывая, что через месяц нас ожидал дебют на большой институтской сцене перед парой тысяч зрителей. В рамках концерта, посвященного дню англо-немецкого факультета, нам предстояло скрестить музыкальные рапиры с Ваниным коллективом под пафосным названием «Five Wheel Drive». Нам было очевидно, что перепеть «золотое горлышко» института и переиграть его рок-

н-рольных профи-монстров нам не светит, поэтому мы решили взять актуальностью репертуара

Новая волна русского рока с такими, сейчас уже навязшими в зубах именами, как Чиж и К, Мумий Троль и Сплин, только-только начала пробивать себе дорогу. Быстро разучив актуальные новинки, и внедрив их в свой репертуар, мы решили утереть нос заносчивым парням из Five Wheel Drive.

Для усиления конкурентного преимущества в наши ряды был привлечён студент Гена, прославившийся шикарным исполнением песен группы Чайф и регулярными запоями.

В те моменты, когда Гена был в состоянии держать гитару, он был харизматичен и неотразим. Невероятно худой и чёрный, как цыган, он произносил: «Привет, детка!» своим сочным густым басом, и девушки уже не могли отвести от него взгляда. Единственным существенным минусом было то, что моментов трезвости в жизни Гены было немного, и длительность их была ограничена. Но это был риск, на который мы были готовы пойти ради успеха общего предприятия.

Репетиции под талантливым руководством Миши пошли успешно. Для солидности мы разучили медляк модной зарубежной гранж-группы Stone Temple Pilots – Core, а блок хитов состоял из «Пусть всё будет так, как ты захочешь» – от Чайфов в исполнении записного харизматика-алкоголика Гены, и таких блокбастеров, как «Утекай» – Мумия Троля, и «Песня о любви» – Чижа и К.

Утром перед концертом мы собрались полным составом

с четырьмя бутылками портвейна и ограниченным кругом поклонниц. Концерт должен был начаться в 15:00, но наши руки и колени дрожали уже сейчас, поэтому было решено «разогреть связки» портвейном и застольным исполнением концертного репертуара. (Предложение Гены «децал остаканиться беленькой» было с негодованием отвергнуто мною и Мишей – мы не без оснований опасались, что водка может лишить нас основного вокалиста).

Попахивающие дизельным топливом бурые струи портвейна «Кавказ» обагрили посуду, и акустические гитары всхлипнули первыми аккордами всенародных хитов. Мы пели и пили, купаясь в комплиментах присутствующего фанатского пула, и наша уверенность в себе крепла.

К двум часам музыкально-цыганский лагерь выдвинулся к черному входу Большого Актового Зала. Впереди процессии с гитарой в руках и в лучах солнечного света похожий на молодого Михалкова двигался цыган-алкоголик Гена, распеваящий фирменным «шахринским» басом «Рок-н-ролл этой ночью».

Упиваясь собственной значимостью, мы зашли в актовый зал со «входа для артистов», усадили спутниц на отведённые для музыкантов места в первом ряду и отправились за кулисы. Там уже тусовался немного более бледный, чем обычно Ваня Five Wheel Drive.

– Что играть будете? – поинтересовался я у рокеров.

– Настоящую музыку, – многозначительно ответил Ваня,

прозрачно намекая на то, что «настоящая музыка» – это то, что играют они, а не то, что играем мы. Однако тут же он протянул мне початую бутылку коньяка. – Участвуешь?

Беспокойно оглядевшись в поисках Гены, и убедившись, что он мирно беседует с девушками в зале, я махнул рукой. – Давай! Без бокала нет вокала!

Зал постепенно наполнялся студентами, преподавателями и руководством ВУЗа. Атмосфера становилась всё более торжественной.

За официальной частью и выступлением декана, последовало несколько самодеятельных сценок сатиры и юмора, и вот уже конференсье объявляет начало музыкальной части концерта

Под оглушительные аплодисменты зала на сцену вырвались подвыпившие демоны из Five Wheel Drive. Они быстро и профессионально настроились, и вот уже перегруженные гитары начали выводить знакомый риф из Satisfaction от Rolling Stones. Вращая зрачками и мотая русым хвостом, голосистый Ваня носился по сцене из стороны в сторону, выкрикивая «No satisfaction!».

Коньяк, нервы и здоровый избыток тестостерона в его крови сделал своё дело, Ваня выплескивал в зал столько энергии, что, в сравнении с ним, и сам Мик Джаггер выглядел бы на сцене застенчивым ботаником. В какой-то момент экзальтация вокалиста Five Wheel Drive достигла апогея и начала постепенно превышать критический уровень.

Движения Вани сделались несколько дерганными, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а голова отвалится. В его «No satisfaction!» стали слышаться истерические нотки. Поддавшись порыву, все музыканты, кроме барабанщика заиграли ещё быстрее. Происходящее на сцене начало сильно смахивать на какофонию, но остановиться парни уже не могли и неслись к концу, игнорируя ритм барабанщика.

Зал был одновременно напуган и испытывал смущение за, очевидно, перенервничавших рокеров. С диким выражением лица под сдержанные хлопки зала, Ваня пробежал мимо нас за кулисы.

– Лёха, б**ть, ты барабаны вообще слышишь?! Андрюха, а ты, куда темп загоняешь? – услышали мы его вопли уже за кулисами.

Снисходительно усмехнувшись, мы с Мишей ступили на сцену, ощущая себя богами рока. Мы подключили инструменты и по команде звукорежиссера подергали за струны. Моя гитара хранила молчание.

Я лихорадочно покрутил все ручки, подергал провод в гнезде усилителя. Тот же эффект. Пауза росла, а с ней росло наше смятение. Вот уже, прыгая через ступени, ко мне прибежал с последнего ряда звукорежиссёр, и теперь мы вместе стали крутить ручки на гитаре и на усилителе – звука не было.

– Так, а это чей шнур? – звукач ткнул пальцем в соседнее гнездо на усилителе. Туда тоже был воткнут шнур, как две

капли воды, похожий на мой. Осмотревшись вокруг и остановивши свой взгляд на моей гитаре, звукорежиссёр закаменел лицом.

Проследив за его взглядом, я обнаружил легкое «некомильфо». Забавным образом, воткнув гитарный шнур одним концом в усилитель, а другим концом... в усилитель, я получил интересную, но абсолютно незвукоспособную схему. Чертыхаясь, звукач воткнул шнур туда, куда надо и унесся в зал.

– Извините за технические неполадки, – сдавлено прокваркал я в микрофон, и мы заиграли гранжевый медляк.

Уже при первых тактах вступления зал оживился и захлопал. Модный репертуар делал своё дело.

Вложив в свой голос всю гранжевую тоску, на которую я был способен, я затянул красивую, но несколько заунывную мелодию. И вот, когда мы уже были готовы взорваться мощным ревушим припевом, Мишин усилитель, немзыкально хрюкнул на весь актовый зал и затих. Бас-гитара смолкла. Мой деликатный друг покраснел, позеленел и стал лихорадочно крутить ручки громкости и дергать за струны.

Без бас-гитары песня звучала совсем не так внушительно. Тоскливо поглядывая на Мишу и нервно переступая с ноги на ногу я, видимо, задел свой гитарный шнур, и моя гитара тоже отключилась.

Одинокий вокал под гулкие и шаткие барабаны Славика звучал до крайности жалостливо.

В мозгу всплыли советы бывалых музыкантов о том, что, несмотря на любую лажу, песню нужно доводить до конца, и я решил допеть последний куплет во, чтобы то ни стало. Но тут включилась Мишина бас-гитара. На выкрученной до предела громкости она рывкнула так громко и на такой неожиданной ноте, что зал вздрогнул и зааплодировал. Продолжать дальше смысла не имело.

– Извините за технические неполадки, – снова безжизненно промямлил я в зал, и мы с позором ретировались. За кулисами нас поджидали ехидные рожи «файвуилдрайвовцев».

– Ну, ничего, парни, бывает, – притворно-сочувственно поддержал нас Ваня. На фоне нашего позора их выступление уже не казалось провальным.

Вторым номером эстеты под руководством Вани выбрали песню «Tragic Comic» от группы Extreme. Народные массы, похоже, не были знакомы с этой группой, поэтому особого энтузиазма не выказали. Однако исполнен номер был довольно дисциплинировано, и зал проводил их более уверенными хлопками.

– Ваш выход, лузеры, – говорила Ванина улыбка, когда Five Wheel Drive прошествовал мимо нас к закулисному столику с коньяком.

Выходить на сцену после первого номера было страшно. Но ещё страшнее стало, когда мы увидели Гену. Он сидел на ступеньках у операторской и по очереди взасос целовал-

ся сразу с двумя полноватыми блондинками в косухах с заклёпками. Конечно же, он был в стельку пьян.

– Па-ацаны... ик... я готов... пойдём... ик... рвать зал... – сказала локальная реинкарнация Шахрина и неуклюже рухнула на пыльные доски гримерки. Деваться нам было некуда. Схватив Гену под астеничные предплечья, мы поволокли любвеобильное тело навстречу рок-н-рольной славе.

На сцене мы сразу столкнулись с небольшой загвоздкой. Заслуженный бас общаги не выразил должного присутствия духа и постоянно норовил принять сидячее положение. Пришлось принести стул и прижать Гену к спинке стула стойкой с микрофоном. Гитары были воткнуты куда надо и проверены, Славик отсчитал счёт, и мы заиграли интро.

Услышав знакомое вступление, зал оживился, но, наученный опытом, в этот раз был более сдержан. Гена выпрямился и запел, развеивая наши страхи. Его красивый мужественный голос, усиленный огромными колонками, ворвался в зал и наполнил сердца слушателей ликованием. Воодушевлённый успехом Миша виртуозно исполнил соло на гитаре, и зал был наш.

Впечатление было немного подпорчено тем, что сидящая звезда к концу песни приняла несколько неестественную позу, закрыла левый глаз и стала угрожающе кренииться набок.

Положение спасли блондинки, выпорхнувшие из-за кулис и в последнюю секунду ласково поприветвавшие Гену за шиворот, непринужденно пританцовывая.

Мы были так рады успеху, что даже аплодировали следующим двум номерам Вани и К. Нам хотелось, чтобы все были счастливы с нами.

На финальную часть мы вышли, что называется, «на кураже».

– У-уте-екай! – порочно выдохнул я концентрированным перегаром в микрофон, и зал взорвался, студенты повскакивали со своих мест и ринулись танцевать. По ходу дела я перепутал все аккорды и слова, чем вверх Мишу в серию страдальческих гримас, но залу было уже пофиг.

– Нанананай-нананай-на-на-нарана-най! – пел он вместе с нами.

– А не спеть ли мне песню, – начал я следующий хит, уже чувствуя себя всемогущим повелителем сердец и умов.

– Аа-а-аалюбвей! – вырвалось в ответ из двух тысяч глоток. Звезда, как выражаются критики, родилась, и было чертовски здорово, что этой звездой были мы.

Эпизод 11: «Ой, то не вечер, то не вечер»

Ледяной ветер пронизывал до костей. Кирка монотонно звякала о каменистый грунт. Мы копали уже час, но золота всё не было.

Да и взяться ему здесь было неоткуда. Единственное «золото», которое нам светило на этих «раскопках» – это 150 рублей от пожилого армянина Гамлета. За эти деньги мы с Мишей подрядились выкопать яму под колодец на его земельном участке. Три метра в диаметре и три в глубину.

Задание сначала выглядело плевым делом для двух спортивных 19-летних парней. Но смерзшаяся, твердая, как железо, земля и яростный ноябрьский ветер превратили работу в настоящий подвиг.

В то время как один из нас, обливаясь потом, в яме яростно вгрызался киркой в промерзшую каменистую почву, наполнял разбитыми кусками ведра и подавал наверх, другой только принимал ведро, высыпал землю в кучу неподалёку и отдавал пустое обратно.

Казалось бы, распределение труда было неравным, но стоять наверху из нас никто не рвался – в яме, по крайней мере, было тепло и не дул ветер, поэтому приняв пару тройку ведер, каждый из нас спешил обратно в яму, хватаясь стёр-

тыми до мозолей руками за кирку и лопату.

На третий час безостановочной рубки грунта мы окончательно выдохлись. Мы вырыли ровно полтора метра. Ещё через пять минут из под камней показалась вода и стала быстро заполнять колодец. Дальше копать возможности не было.

– Работа, канэшна, ви не сдэлали, но это нэ ваш вина. Я вам заплачу, – заявил Гамлет, щурясь от собственной щедрости. Разделив зарплату и шатаясь от усталости, мы направились в общагу.

На третьем курсе проблема подработок стала остро. Спартанский настрой первых курсов кончился. Нам хотелось полноценно питаться, и, по возможности, иметь какие-то карманные деньги на подарки девушкам и другие расходы.

Кое-кто из студентов подрядился разгружать фуры торговцам с рынка, но такие варианты попадались редко и те, кто их находил, держали свой заработок втайне, чтобы не плодить конкуренцию и не сбивать цены.

После долгих раздумий Славик выдвинул идею.

– Можно играть на улице. Миша на губной гармошке, Паша на гитаре и петь на два голоса будете. Ну и я с вами. Уличные музыканты много зашибают!

Непонятно было, какую роль во всем этом собирался, играть Славик, ведь ни петь, ни играть он, толком, ни на чём не умел, но идея нам понравилась.

Выходить играть на улицу было вроде как страшновато и стыдновато – уж слишком всё это смахивало на попро-

шайничество, но голод – не тётка, и, как известно, пирожка не подаст.

Чтобы Славик мог принять полноценное участие в нашем ансамбле, мы заставили его изготовить себе перкуссию из жестяной банки, наполненной рисом, и поехали в соседний город Минеральные Воды с целью опробования бэнда в уличном шоу-бизнесе.

Стыдливо разложив чехол из-под гитары в пешеходном переходе под путями железнодорожного вокзала, мы неуверенно затагнули хиты эстрады.

– Потому что нельзя, – с трагическим пафосом выводил я.

– Потому что нельзя! – подпевал мне Миша в терцию.

– Потому что нельзя быть на свете краси-и-ивой тако-о-о-ой, – завершали мы вместе со Славиком под жизнеутверждающий шорох банки с рисом.

В гулком переходе бэнд звучал внушительно и солидно – сочетание гитары, губной гармошки и перкуссии оказалось на удивление удачным. Прохожие улыбались и показывали нам большие пальцы. Пару раз, правда, люди путались в пальцах и вместо большого показывали средний, но мы старались не обращать на это внимание.

– Ау-ау-ау, я тебя все равно найду! – надрывались мы. Мелочь вперемешку с купюрами обильно сыпалась в раскрытый чехол из-под гитары.

Коронным номером стало акапелльное многоголосое исполнение песни «Выйду ночью в поле вдвоём». Каждый раз,

когда мы затягивали её, вокруг стабильно собирались слушатели. Случались и казусы.

Одна старушка, выслушав пронзительно-грустное «я влюблен в тебя Россия, влюблён» – подбежала к нам, разрыдалась и стала пытаться сунуть нам в руки часть своей пенсии.

– Вы её, Родину, любите, а смотрите, что она с вами сделала! – причитала старушка. Мы были смущены и еле втолковали бабке, что не нуждаемся в деньгах.

– Бабуся, мы хорошо зарабатываем, – заявил Славик, стыдливо прикрывая дырку на джинсах.

Несколько раз подходили местные маргиналы и менты с предложением о крышевании нашего предприятия. Первым я без колебаний предложил физическую конфронтацию, чему способствовала секция бокса, куда я к тому времени ходил уже полгода. От вторых мы избавились благодаря неожиданному знакомству.

В один из наших подземно-переходных концертов, когда мы уже уверенно, и даже несколько вальяжно исполняли самую кассовую вещь – «Ой, то не вечер, то не вечер», к нам присел странный дядька лет пятидесяти с седыми волосами и в дорогом костюме. Он был навеселе.

– Ребят, а из Воскресенья что-нибудь знаете? – в чехол полетел полтинник. Эта сумма была равна нашей дневной выручке. Радостно переглянувшись, мы запели «Я ни разу за морем не был», потом исполнили «Кто виноват».

– Э-эх, молодцы вы, а поехали в ресторан! Я вас хочу угостить! – мужчина встал и широким жестом указал на выход из перехода.

Мы немного помялись. Я быстренько смекнул, что если даже дядька и гомик, то я в любом случае в безопасности, как самый несмазливый в группе. Миша подумал, что если даже дядька и педик, то Миша успеет плотно пожрать на халыву, перед тем как убежать. Недалёкий Славик согласился, не раздумывая. Хотя с такими, как он, как раз, обычно ничего и не случается.

В ресторан мужик нас повёз на своём припаркованном около перехода «мерседесе». Заставив стол снедью от икры и шампанского, до коньяков и шашлыков, новый знакомец принялся слезливо пересказывать свою жизнь. Оказалось, что в молодости он тоже увлекался музыкой и играл в группе, а сейчас у него жена, дети, любовница (на этом месте мы подуспокоились), но ему это не мило, и он мечтал бы бросить всё и играть в группе. В доказательство своей музыкальности он хрипло пропел под гитару пару куплетов из Битлз прямо за столом. К нашему удивлению официанты лишь почтительно слушали его, не делая попыток вмешаться.

В завершение вечера наш знакомый протянул нам свои визитки и представился.

– Руководитель УВД по КавМинВодам, полковник Сандуллаев. Меня здесь каждая собака знает! Если будут проблемы с милицией или блатными – просто покажите мою ви-

зитку!

С тех пор мы использовали волшебную визитку раза три, и каждый раз были осыпаны униженными извинениями любителей лёгкой наживы.

В переходе играть было непыльно и денежно, но аппетиты наши росли, и мы решили попробовать свои силы на Горячеводском рынке, где народ ходил толпами.

Играть там после шикарной акустики перехода было ужасно. Наши голоса и жалкое позвякивание гитары тонули в гуле и шарканьи ног толпы. Деньги кидали реже, и работать в такой атмосфере было уж очень тягостно.

Мы уже хотели сворачиваться, но в этот момент к нам обратился маленький пожилой таец. (Тайцы занимали целый район рынка и были представлены здесь довольно большим числом). Он вложил в руку Славика пятидесятирублевую купюру и жестом показал следовать за ним. Начало было многообещающим. Мы воспряли духом и направились за неожиданным клиентом.

Через пару минут мы были в середине тайских трикотажных рядов. Азиаты с внимательным и настороженным выражением лиц обступили нас плотным кольцом. Специального тайского репертуара у нас не было, и мы затагнули «Нельзя быть красивой такой». Пока мы не доиграли до конца, на лице тайцев не дрогнул ни один мускул.

После этого пожилой азиат сунул нам ещё один полтинник, и слушатели опять застыли в напряженном ожи-

дании. Мы были немного смущены. Судя по лицам заморских гостей, наше выступление вызывало у них отвращение и неприятие, но с другой стороны зачем-то они нас позвали.

Полностью сбитые с толку, мы нестройно затаили «Ой, то не вечер». Реакция тайских торговцев была абсолютно неадекватной – они принялись хохотать, время от времени приседая, хлопая себя по ляжкам и показывая на нас пальцами.

Я покосился на соратников по группе. Посиневший от холода Миша с текущим носом, жалостно дующий в губную гармошку, угловатый Славик в склеенных скотчем очках и с нелепой рисовой банкой – всё, это, конечно, представляло вид довольно жалкий, и, возможно, отчасти забавный, но, тем не менее, было недостаточно для такого безудержного веселья. Как по мановению руки, тайцы перестали веселиться и посуровели, как только последний аккорд фолкового хита затих.

– Исчо такой! – заявил наш таец, скармливая Славику очередной полтинник.

Обезьянничанье узкоплёночных действовало на нервы, но полтинники продолжали перекочёвывать в наш карман, и, пожав плечами, мы продолжили.

Со стороны картина отдавала сюрреализмом. Три худые длинные фигуры в чёрных куртках и джинсах, мерно раскачиваясь, выводили грустную народную мелодию на три голоса, а вокруг во все горло хохотали маленькие, пестро одетые

тайцы.

После того, как мы в третий раз поведали собравшимся о догадливости есаула, тайцы наконец успокоились, выдали нам окончательный полтинник и, дружелюбно похлопывая по плечам и пожимая руки, распрощались.

– Какие-то долбанутые они, – раздраженно заметил Славик, когда мы подошли к остановке.

– Не то слово, – согласился я.

Миша пошмыгал носом и промолчал – в глазах его уже отражались жареные курочки, сосиски и пельмени со сметаной.

Эпизод 12: Lost in Krasnoyarsk или Бизнес по-русски

Третий курс института закончился. За ним пришла моральная усталость и тревожное чувство грядущих перемен. Вечеринки начали приедаться. Осознание ответственности за свою жизнь потихоньку напоздало на нас, как напоздаёт чёрная грозовая туча на весёлый пикник в солнечный день. Встаёте ли вы сразу и не спеша начнёте собирать вещи или упорно пытаетесь игнорировать приближающуюся непогоду, пока холодные капли не забарабаният по вашему телу. Неважно. В любом случае ощущение беззаботности уже утрачено.

Мы перестали довольствоваться тем, что мы не хуже других, и нас принимает общество себе подобных. Близилось время одиночного плавания. Каждый готовился к нему по-своему.

Одни умудрились найти какие-то приработки или даже организовать «бизнес». Кто-то бойко торговал привезёнными из Турции кожаными куртками, кто-то рьяно вовлекал друзей и подруг в сети сетевого маркетинга. Все вокруг сустились и предпринимали. И только мы с друзьями уныло хлестали винище, обсуждая планы на лето.

– Вот ещё, стану я тапками торговать, – корчил презрительную мину Толик. – Пусть на базаре торгаши стоят.

– А я бы и постоял, да кто ж мне даст, – вздыхал Рома. – У отчима огромный участок, посреди участка огромный хлев полный коровьего говна и лопата с тачкой – ждут Рому.

– Ну, а я, как всегда – стены штробить и светильники вешать, – внес я свою лепту в общее уныние.

Однако в своих прогнозах я ошибся.

Лихие 90-ые стали расцветом мелкого бизнеса, в том числе «челночного». Народишко хотел выживать, а зарплату обанкротившиеся госпредприятия платить не желали. Вот и мои родители вступили в ряды новых «коммерсантов», закупая самодельный трикотаж у различных сельских кооперативов, и переплавляя его в Красноярск, где уже брат продавал его на знаменитом вещевом рынке КрaсТЭЦ. Специализировались родители на «тельняшках с начёсом», которые пользовались хорошим спросом в условиях сурового сибирского климата.

Дела шли хорошо, и Дима предложил матери прикомандировать меня в Красноярск для помощи в торговле. Идея понравилась всем кроме отца. Он уже договорился о трёх месяцах электромонтажного рабства на стройке для меня, и не был склонен отменять приговор.

В результате конфронтация перешла в настоящий семейный конфликт. Дима выслал мне деньги на билет, но отец со своей стороны проявил непоколебимость и отказался спонсировать дорожные расходы.

Кого-то перспектива четырёхдневного путешествия поездом без копейки в кармане могла бы остановить, но точно не меня.

Ничтоже сумняшеса, я погрузился на поезд Кисловодск-Красноярск и понёсся навстречу приключениям. Мой багаж состоял из пары свежих помидоров и огурцов, двух пластиковых бутылок с минеральной водой и булки серого хлеба. Для развлечений у меня была пара газет с кроссвордами и пачка сигарет «Пётр I», а для обороны нож-«бабочка».

Первые полдня есть мне практически не хотелось. Я лежал на верхней полке, разгадывал кроссворды или смотрел в окно на пролетающие мимо пейзажи российской глубинки. Мысли мои были заняты мечтами о том, как я скоро заработаю денег на крутой белый спортивный костюм, и на подарки для Светки.

Несмотря на экономию и физическое бездействие, мои продовольственные запасы пришли к концу уже на вторые сутки. Я, как утка из городского пруда, тоскливо пощипывал провонявший нагретым от солнца пластиком батон и запивал его тёплой выдохшейся минералкой.

На третьи сутки путешествия ночью я украл у соседей помидор, который они оставили на столе, накрыв газеткой.

Очень... очень вкусный помидор.

На четвёртые сутки выкурил последнюю сигарету, высыпал в рот крошки из пластикового пакета и запил последними глотками минералки. Пустой желудок злобно урчал, по-

глощая сам себя. Жрующие соседи вызывали приступы раздражения и ненависти.

– А ты сынок, почему не обедаешь, и так худой смотри какой! – поинтересовалась сердобольная бабка-попутчица, подкладывая жареной курятины упитанной внучке.

– Да, что-то не хочется, – саркастически выдавил я, мрачно уткнувшись в кроссворд. После моего ночного налёта соседи перестали оставлять еду на столе и на ночь аккуратно убирали её в сумки.

До прибытия в Красноярск оставалось ещё шесть часов, и я знал, что там меня встретит Дима с деньгами и накрытым столом. Так мне думалось. Я и понятия не имел, что мои приключения только начинаются.

Сейчас, когда сотовые телефоны стали обыденностью, потерять человеку стало практически невозможно. В 1996-ом году такой риск был суровой реальностью.

Мой брат перепутал вагоны и, узнав у проводницы, что такого пассажира в её вагоне не ехало, решил, что я поменял рейс и приеду в другой день. Почему он так решил – это отдельная история, но когда я прождал несколько часов на вокзале, пришло понимание, что искать его мне придётся самому. Ситуация осложнялась тем, что адрес съёмной квартиры брата я узнать у него заранее не догадался, рассчитывая на личную встречу.

В моей записной книжке (на крайний случай) значился телефонный номер и адрес очень далекой родственницы

из Красноярска, с которой мы почти не общались. Позвонить мне было не на что, поэтому я решил явиться к родственнице прямо домой.

Аборигены глядели на меня подозрительно. После кавказской жары, я угодил в натуральную осень и теперь смотрелся довольно странно в трикотажном спортивном костюме на фоне людей одетых в плащи и куртки. Под мелким холодным дождиком я быстро вымок и продрог, но организм, казалось, перестал замечать мелкие невзгоды, мобилизовав все силы перед грядущей неизвестностью.

Переругиваясь с кондукторами, пытавшимися заклеить безбилетного «зайца», после двух пересадок и часовой тряски по мрачным рабочим кварталам я приехал по адресу. Я позвонил в дверь родственницы, но вместо неё ко мне вышел могучий молодой человек под два метра ростом. Лицо его пересекал уродливый шрам, а одет он был в длинный чёрный кожаный плащ, чёрные кожаные джинсы, чёрную водолазку и высокие чёрные «казаки».

– Чо надо? – отрывистым злым голосом поинтересовался он, буравя меня прищуренными глазами.

– А Мария Матвеевна здесь живёт? – неуверенно спросил я. В следующую секунду в руке его возник здоровенный чёрный пистолет, который он пристроил мне под подбородок, схватив свободной рукой за грудки.

– Саша, – завопил он. – Саша!

На его вопли из квартиры выбежало ещё несколько ганг-

стеров. Одного взгляда на них мне хватило, чтобы понять, что я встретился с самой настоящей красноярской «братвой».

Все «солдаты» были здоровыми, бритыми наголо и носили длинные чёрные плащи из кожи. Главарь их был невысокий мужик лет сорока. Одет он был достаточно цивильно – в костюм с жилеткой и нашейным платком. Волосы его были аккуратно уложены и зачесаны назад, на лице застыла злая неприятная гримаса.

– Тебя кто послал?! Отвечай быстро, если жить хочешь! – зашипел он мне в лицо, как огромная змея.

– Послушайте, это какое-то недоразумение! Я студент, я приехал к родственнице, никогда у неё не был – наверно, ошибся адресом, – я и сам понимал, что мои объяснения звучат неубедительно. – Можете посмотреть – у меня в записной книжке адрес записан, – пришла мне в голову спасительная мысль.

– Обыщи, – коротко приказал главарь одному из «братков», и тот полез в мою сумку. Брезгливо покопавшись в грязных носках и трусах, он извлёк мою записную книжку.

– На первой странице, – сдавлено прохрипел я, так как разнервничавшийся бандит со шрамом сильно вдавил дуло пистолета в моё горло.

С сомнением главарь некоторое время изучал адрес и телефон с именем, потом развернулся и скрылся в квартире. Вышел он уже с радиотелефоном.

– Звони, – он сунул мне в руку телефон. – И если ты мне врѣшь, я с тебя шкуру лоскутами с живого сдеру.

Надо ли говорить, что слова его не прибавили мне оптимизма. Повисла напряжённая пауза, прерываемая только долгими гудками из трубки.

– Не отвечают, – произнёс я с вымученной улыбкой. Главарь подарил мне полный скепсиса взгляд, который я стоически выдержал.

– Если ещё раз тебя здесь увижу, голову отрежу, – прошипел неуравновешенный лидер преступной группировки напоследок и вместе с остальными бандитами скрылся в квартире. Я подобрал с пола разворошённую сумку и стремительно был таков.

На улице стемнело, дождик продолжал падать на зонты прохожих и на мою промокшую прическу. Больше адресов и телефонов у меня не было. В полном унынии я отправился обратно на вокзал.

– Привет, извини, ты тут солдатика не видел, с сумками, а то мне встретить его надо, а я его потерял, – рядом со мной на вокзальную скамейку опустился полноватый дядька лет сорока с широким рябым лицом и густыми пшеничными усами. Вид у него был добродушный, но слегка напряжённый. Одет он был в какой-то странный камуфляж и, в общем и целом, напоминал отставного прапорщика.

– Знакомая ситуация, – поддержал его я. – Меня вот тоже потеряли. А солдата вашего я не видел. Наверно уехал ку-

да-то. Я тут часа три уже сижу, никого не видел.

– Эх, чёрт. Как же это я его упустил, – «прапорщик» выглядел огорчённым. – Ну, ладно, поеду домой тогда. А ты-то сам, что? Ночевать хоть есть где.

– Да, наверно, здесь буду до утра, а с утра пойду брата искать, – заявил я удрученно.

– Ну, если хочешь, можешь у меня переночевать. Раз солдат мой не приехал – свободная койка есть, – видимо, на моём лице отразилось сомнение, потому что он тут же поспешно добавил. – Если за вещи волнуешься, можешь здесь оставить в камере хранения.

В бескорыстность его предложения мне не верилось, но голод гнал опасения прочь. В конце концов, у меня с собой был нож и готовность к решительным действиям.

– Да я не волнуюсь – у меня с собой ни денег, ни ценностей. Так что заплатить за ночлег я тоже не смогу, – я решил сразу известить о своей материальной несостоятельности.

– Да что ты! Какие деньги! – запричитал прапорщик. – Разве ж я не понимаю, сам бывал в твоём положении.

«Прапорщик» представился Андреем, мы сели в автобус и поехали к его дому.

По дороге я размышлял о причинах гостеприимства «прапорщика». Грабить меня, очевидно, не представлялось выгодным, поэтому оставались варианты с маньяком и с гомосексуалистом, а то и с маньяком-гомосексуалистом.

Маньяки маньяками, но в моем состоянии я был готов

убить за сухой рогалик, так что бояться, скорее, следовало меня.

Маньяк Андрей трещал без умолку, рассказывая какие-то смешные истории из своей военной жизни. Как я и думал, он оказался бывшим военным – капитаном ракетных войск в отставке, а сейчас работал программистом. Большую часть его трескотни я пропускал мимо ушей и встрепенулся лишь, когда услышал про еду.

– Что, может, возьмем чего-нить поужинать? Ты как, насчёт выпить-закусить? – предложил «капитан-программист». Вопрос для меня был риторическим.

Капитан оказался прижимист, из еды им были куплены сосиски и три коробки «Доширака», также он взял две бутылки портвейна. Такой «ужин» выглядел скромным даже по меркам студенческой общаги, но в данный момент всё это казалось мне роскошным угощением.

Жилище «маньяка» оказалось неухоженной, но просторной холостяцкой трёшкой, населённой тремя кошками и одним бесполом существом лет семнадцати с тоненькими паучими лапками и круглым брюшком.

– Маша, – представился мне этот бледный прыщавый юноша, и я с облегчением понял, что попал в логово к обычным педерастам.

– Красивое имя, – хмыкнул я. Теперь только оставалось быть начеку. Я зорко следил за приготовлением ужина, а бутылку портвейна вызвался открыть и разлить сам.

– Фирменное блюдо! – провозгласил гей-Андрей и заварил «дошираки», предварительно накрошив туда лука, зелени и сосисок.

Терзавший меня голод не позволил оценить «фирменность» гей-блюда. За три минуты я уплёл свою порцию, вместе с половиной булки хлеба, запив всё стаканом дешёвого портвейна с запахом йода.

Блаженная сытость и портвейн привели меня в приподнятое состояние духа. Гей-Андрей и гей-Маша тоже были веселы и словоохотливы, постоянно толкая тосты «за мужскую любовь». Я заявил, что не хочу мешать их дискуссии, и намекнул, что был бы не прочь поспать.

– Да, конечно, ты устал – ложись в зале, а мы с Машенькой в другой комнате, – предложил Андрей.

Стопроцентной уверенности в безобидности геев у меня не было, но спать хотелось жутким образом, и я убедил себя, что мне ничего не угрожает. Не раздеваясь, я рухнул на диван в соседней комнате, положив раскрытую «бабочку» под подушку. Ещё пару минут я прислушивался к весёлому шепету парочки в соседней комнате, но потом незаметно провалился в сон.

Проснулся я от скрипа половицы. В комнату кто-то крался. Послышалось чьё-то сопение и на диван присело чьё-то грузное тело.

– Паша-а-а-а, – раздался из темноты свистящий шепот, на плечо мне легла рука капитана ракетных войск в отставке.

Не говоря ни слова, я вытянул руку с ножом, и лезвие уткнулось в жирную шею шептавшего. Сопенье прервалось.

– Я всё понял, – тонко всхлипнул тот же голос из темноты. Я убрал руку, и тело растворилось в зыбком полумраке.

За окном уже занимался рассвет, и, несмотря на то, что спать по-прежнему хотелось зверски, мне было пора покидать этот временный приют.

Выдувая облака морозного пара, я в мрачайшем настроении пошлёпал по лужам к автобусной остановке. Я направлялся на вещевой рынок Красноярска КрасТЭЦ. Постоянной торговой точки у Димы не было – каждый несколько дней он арендовал новую, но найти его здесь было моим последним шансом.

Я прибыл на место назначения в шесть утра, но жизнь на базаре уже кипела. Рынок «КрасТЭЦ» оказался гигантским. Тысячи китайцев, кавказцев, узбеков, таджиков, казахов и русских везли на тележках баулы, тюки и сумки с товаром, раскладываясь на местах на бесчисленных рядах.

Около двух часов я толкался по рядам, обходя «толкучку» снова и снова.

Я уже практически отчаялся найти Диму, как вдруг прямо передо мной возникла его знакомая физиономия. Он надвигался на меня, волоча полную тележку сумок с тельняшками.

– Паша! Ты как здесь?! – воскликнул опешивший брат. От нахлынувшей радости я даже прослезился и первое время не мог выговорить ни слова.

Через пятнадцать минут я стоял за прилавком тельняшкового «магазина», обложенный горячими шашлыками, хачапури и мисками с пловом, а в руке сжимал стопку с ароматным армянским коньяком. С набитым ртом я вкратце поведал брату историю своих приключений.

– Брат приехал с Кавказа! – пояснил Дима соседям-казахам, и те в знак одобрения подняли вверх большие пальцы рук.

Как по заказу, дождь прекратился, и из-за туч появилось солнце. Началась настоящая жара. Красноярец бойко разбирали тельняшки, карманы быстро наполнялись купюрами, а бутылка с коньяком пустела.

– Лучшие тельняшки австрийского производства! Начёс из натуральной овечьей шерсти! Не-мнётся-не-тянется-нервётся! – весело выкрикивал я, наученный Димой.

– Британское качество, натуральный индийский хлопок! – не отставал брат.

От выпитого мы разошлись и, на радость смешливым казахам, к обеду стали закатывать откровенную клоунаду.

– Девушка, пойдёте! Вот тут! Только для вас! – завлекал один из нас пару расфуфыренных блондинок на шпильках заговорщическим тоном. Заинтригованные девицы подводились к россыпи тельняшек с начёсом.

– Вот! То, что вы ищете! – медленно и торжественно я обводил тельняшки простёртой дланью.

– С начёсом! – с восторженным и почти благоговейным

придыханием протягивал девушкам ворсистую тельняшку Дима.

Некоторые смущённо хихикали и убегали, но большинство сибирячек весело хохотали, подначивая друг друга на предмет приобретения сего ценного модного аксессуара.

– В наших тельняшках вы будете неотразимы на подиумах Москвы и Парижа, – добавлял Дима, не меняя серьёзно-торжественного выражения лица. Смеялись девушки, хохотали казахи, нам тоже было весело.

– Всё, – заявил Дима, после того, как коньяк был допит, а половина тельняшек распродана. – Сворачиваемся. Поедем отмечать твой приезд по-настоящему!

Я был не против. Я чувствовал, что сегодня немного праздника я заслужил по праву.

Эпизод 13: «Ах, эта свадьба...» или Евровидение по-армянски

Жара в августе 1998-го стояла в Нальчике невыносимая. Люди вязли в расплавленном асфальте, оставляя в его плену босоножки и тапочки. Длинные очереди выстраивались у облезлых жёлтых бочек с надписью «Квас». Мужчины щеголяли обнажёнными, блестящими от пота торсами, а женщины еле-еле прикрывали наготу нарядами из тонких лоскутов материи. Однако, несмотря на изобилие полуобнаженной природы, эротические мысли не посещали головы горожан. Духота изматывала настолько, что мечтать можно было только о стакане ледяного пива или холодном душе.

По скамейке посреди пустынной площади автовокзала одиноко растеклась худощавая нескладная фигура загорелого парня, одетого в белую майку, белые брюки и такого же цвета спортивные туфли. На майке было написано «Nyke», а на лице застыло уныние.

За три долгих часа ожидания на жаре я (а это был именно я) успел прикончить три бутылки пива. Допив четвертую, я встал и направился в здание вокзала, чтобы приобрести пару газет и ещё пива.

– С вас пятьдесят копеек, – отчеканила потная продавщица неопределённого возраста в огромной газетной панаме.

– Паша? Зайцев? – добавила она вдруг, поднимая края панамы и всматриваясь в моё лицо.

– Люда! П-привет! – неуверенно произнес я. Да. Это была она – та самая некрасивая корячка из нашего интернационального класса. Повзрослев, она не стала намного привлекательней.

После шумных узнаваний и приветствий, она рассказала свою короткую, но печальную историю.

После школы сразу начала работать продавщицей в магазине, потом вышла замуж и родила двоих детей. Муж кабардинец пил, проигрывал её скудную зарплату в карты и бил её в периоды между очередным сроком за хулиганство или мелкую кражу. Она была рада встретить меня. Ей явно хотелось пообщаться, но эти несколько лет мы прожили настолько по-разному, что общих тем для разговора у нас осталось совсем не много.

– А я завтра женюсь. Вот как раз сижу, жду друзей-однокурсников на свадьбу, написали в письме, что приедут сегодня, а вот каким рейсом – не знаю, – сообщил я бывшей однокласснице, и вдруг почувствовал неловкость. Моей вины в её несчастьях не было, но беседу продолжать стало как-то трудно. Её угловатая, сутулая фигура, выражение перманентного отчаяния и усталости на лице и кривая, заискивающая улыбка, производили тяжёлое впечатление.

– Ну, ладно, пока. Был рад пообщаться, – торопливо бросил я и поспешил на улицу. На выходе из вокзала я обернул-

ся. Она так и стояла, сжимая в руке мою мелочь и продолжая слегка кивать мне вслед. На миг мне захотелось как-то её утешить, сделать что-то хорошее, но что бы это могло быть, я не знал. Словно тень из прошлой серой унылой жизни упала на моё счастливое и радостное настоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.